

ЕВГЕНИЙ НОВИКОВ

Пусть
посмотрим
в глаза

Примань

16+

Евгений Константинович Новиков

Пусть посмотрит в глаза Припять

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43464981
SelfPub; 2020*

Аннотация

Перед вами – повесть «Пусть посмотрит в глаза Припять». Это приквел раннего произведения автора «Горькие травы Чернобыля». В повести описана реальная история мальчишек, переживших ядерную катастрофу далёкой весной 1986 года. Имена главных героев незначительно изменены, но автор уверен, что учащиеся средней школы № 2 города Припяти легко себя узнают. Огромное спасибо жителю Припяти, ныне киевлянину Александру Рубинскому за помощь в работе над книгой. Именно он послужил прототипом главного героя повести Сашки Зарубина. Обложка книги сделана Т. П. Чернокозинским по заказу автора.

Предисловие

25 апреля 1986 года в 14 часов 00 минут московского времени главный инженер Чернобыльской АЭС Николай Максимович Фомин дал «добро» начальнику смены Николаю Трегубу на отключение системы аварийного охлаждения реактора. Систему надёжно заблокировали, а задвижку линии подачи воды обесточили и закрыли на замок. Вот так. Чтобы никто, к чертям собачьим, не открыл задвижку вручную, чтобы в критические мгновения 350 кубометров холодной воды не смогли спасти взбесившийся раскалённый реактор. Первый шаг в безумие ядерной бездны был сделан. Много ещё будет сделано таких шагов в ближайшие одиннадцать с половиной часов...

Нельзя сказать, что Николай Максимович совсем уж не ведал, что творил. Он был толковый инженер, грамотный и напористый руководитель. Вот только понимал ли он разницу между АЭС и ГРЭС – государственной районной электростанцией, на которой раньше работал в Запорожье? Фомин очень боялся теплового удара воды по реактору. А ядерного взрыва не боялся совсем. Как и почему на такой должности оказался человек, ничего не смыслящий в физике атомного реактора?..

Надо сказать, что в советской атомной энергетике такое положение дел было нормой. В эпоху застоя атомные электростанции были переданы из подчинения Министерства среднего машиностроения в Министерство энергетики. А

там не видели большой разницы между ураном и каменным углём. Впрочем, Советский Союз атомные станции строил быстро, кадров, действительно, не хватало, за пульта управления садились молодые неопытные СИУРЫ, а руководящие должности занимали бойкие назначенцы Минэнерго, вполне сведущие в электроэнергетике, но не вполне способные отличить радиоактивный металл уран от одноимённой планеты. Так что не будем сваливать всю полноту ответственности на Николая Максимовича Фомина...

Кстати, 25 апреля 1986 года Фомина на станции вполне могло бы и не быть. В декабре 85-го он попал в тяжёлую автомобильную аварию и сломал позвоночник. Ему предстояли долгие годы реабилитации. Но здоровый и крепкий мужик сам разработал самый сложный курс физических упражнений, сам себя поставил на ноги и 25 марта, к удивлению сослуживцев, вышел на работу. Ровно за месяц до катастрофы. Мистика.

Именно он согласился на сброшенный «сверху» эксперимент по выбегу ротора турбины, именно он утвердил в программе испытаний отключение аварийной системы САОР. Впереди маячили майские праздники, высокие премии, долгожданные отпуска... А вот руководители других советских АЭС от проведения подобного эксперимента наотрез отказались. Почему-то...

Человеческий фактор в Чернобыльской катастрофе, безусловно, приоритетен. Но и «чудо» инженерной мысли ин-

ституты Доллежала и Курчатова – уран-графитовый реактор РБМК – был детищем своего времени. К 80-м годам он безнадежно устарел и не вполне отвечал требованиям ядерной безопасности. Во всяком случае, недостатки конструкции стержней-замедлителей, об особенностях которых атомные операторы были плохо осведомлены, могли сыграть свою, возможно, роковую роль в заключительном акте самой страшной техногенной катастрофы за всю историю планеты Земля. Долгие годы часы чернобыльской беды исправно отсчитывали время, чтобы навсегда остановиться 26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты 40 секунд ночи. Ядерной ночи...

...Эксперимент не заладился почти сразу. Нет, поначалу, всё, вроде бы, шло по плану. После блокировки аварийных защит старший инженер управления реактором смены Николая Трегуба (СИУР) приступил к снижению мощности. Как и предписывал регламент, мощность энергоблока снизили наполовину – до 1500 тепловых мегаватт. В семиметровой активной зоне реактора, среди 1700 топливных сборок, покоились более 30 стержней-поглотителей из двухсот одиннадцати, это нормально, это по регламенту. Рука СИУРа уже была готова нажать кнопку максимальной проектной аварии, как вдруг эксперимент был прерван звонком диспетчера «Киевэнерго». В республике-де нехватка электроэнергии, эксперимент надо приостановить. Требования диспетчера для всех электростанций – закон. И вывод блока из работы задержали. На целые девять часов. Смена издёрга-

лась, изнервничалась долгим ожиданием. А четвертый блок так и продолжал работать на половинной мощности, при отключенной системе аварийного охлаждения реактора. Грубейшее нарушение регламента!

Только в 23 часа 10 минут мощность вновь стали снижать до требуемых планом эксперимента 700 МВт. А ровно в полночь 26 апреля Трегуб передал управление новой смене Александра Федоровича Акимова. За пульт БЦУ уселся 26-летний СИУР Леонид Топтунов. Эти двое не были готовы к эксперименту и наспех изучали его программу.

Топтунов, несмотря на возраст, толковый и грамотный СИУР, недавно с отличием закончил институт. В этой смене – он единственный ядерщик, чётко понимающий суть происходящего. Да вот авторитет старших товарищей слишком велик. Особенно грозен Анатолий Степанович Дятлов, заместитель главного инженера станции. Высокий, пожилой, седовласый, с сиплым, тихим голосом. Уран-графитовых промышленных реакторов он почти не знает – ранее работал на Дальнем Востоке с корабельными ядерными установками. Но командует вовсю. И когда Топтунов, перейдя на ручное управление, не удержал мощность на 700 мегаваттах и провалил её до 30-ти, Дятлов стал давить молодого спеца силой возраста и авторитета, требовать подъёма мощности. Топтунов возражал решительно, Акимов – вяло. Перебранка затянулась. А реактор стремительно «травился» продуктами распада ядерной реакции – изотопами ксенона и йода. Ещё ни-

что не фатально, ещё не расплавилась активная зона, ещё не скопился в теле раненого ядерного зверя коварный взрывоопасный водород. Реактор самое время гасить, вводить дополнительные стержни-поглотители и сутки не будить атомное чудище – сам «разотравится», и минует мир великая беда. Будет жить да цвести город Припять, на станции вот-вот достроят 5-й и 6-й энергоблоки... Часы чернобыльской беды ещё не поздно остановить. Но нет, послушался старого Дятлова молодой Топтунов, забегали пальцы СИУРа по пультам, поползли стержни вверх...

К часу ночи 26 апреля тепловая мощность реактора достигла 200 мегаватт.

И дальше не росла. Реактор «отравлен». Это точка невозвращения. Регламент запрещал оставлять в активной зоне менее 30 стержней, но подгоняемый заместителем главного инженера Леонид Топтунов оставил гораздо меньше. Сколько конкретно? Проблема в том, что этого он не знал. За полторы минуты до аварии ЭВМ «Скала» выдала распечатку, согласно которой запас реактивности составлял 18 стержней. Но ЭВМ считает медленно, с задержкой в несколько минут. Потом в отчёте СССР перед МАГАТЭ появится другая цифра – 6-8 стержней. Откуда она взялась? Никто не знает. Есть и другая странность: до катастрофы в регламентах АЭС фигурировала другая цифра – запас реактивности 16 стержней. А разработчик реактора изначально настаивал на 30-ти. Не иначе кто-то в Минэнерго регламент подчистил, не поставив

в известность конструктора. Видимо, и на других советских АЭС реакторы типа РБМК вгоняли в критические режимы «ничтоже сумняшеся» СИУРы, и авария могла произойти где угодно...

Но вернёмся в ту далёкую ядерную ночь. В 1 час 22 минуты 30 секунд, читая распечатку «Скалы», Топтунов понимает, что стержней-поглотителей в реакторе 18. Эту цифру следствию сообщил сам умирающий в 6-й клинике Москвы СИУР. Её же подтвердил умирающий Александр Акимов. То есть, с их точки зрения, ничего критического не происходило. И эксперимент по выбегу ротора турбины начался. А еще через 34 секунды в технологических каналах перегретого реактора вскипела вода. Мощность медленно поползла вверх. Топтунов это заметил и сообщил Акимову. Оба поняли, что начался разгон реактора. Оба поняли, что реактор нужно глушить. И в 1 час 23 минуты 40 секунд Акимов нажал красную кнопку аварийной защиты «АЗ-5».

Максимальная защита 5-го уровня. Кошмарный сон любого СИУРа. Все 211 стержней должны были пойти вниз, движимые сервоприводами. Да вот не пошли. Топливо уже плавилось и плавило циркониевую оболочку ТВЭЛов, перегретый водяной пар взаимодействовал с цирконием, образуя свободный водород. На сельсинах – указателях положения стержней-поглотителей ярко вспыхнула подсветка. Стрелки медленно поползли вправо и застыли на отметке 2,5 метра. А должны были дойти до 7-ми. С обывательской точки зре-

ния погружение стержней в активную зону на 2,5 метра лучше, чем ничего, не правда ли? А вот тут конструкторы реактора «постарались» на славу. Рабочая длина стержня 5 метров. Эта его часть сделана из карбида бора, который и является гасителем цепной реакции. Выше и ниже этой части находятся полые метровые участки. А на самом конце присутствует наконечник, заполненный графитом. Его задача – не гасить цепную реакцию, а вытеснить воду из технологических каналов. Он её и вытеснил. А вода – хороший замедлитель нейтронов, лучший, чем сам графит. Иначе говоря, при неполном погружении стержней цепная реакция не гаснет, а наоборот, начинается разгон на мгновенных нейтронах. Мощность реактора лавинообразно поднимается на несколько порядков. Это подобно очень медленному ядерному взрыву. Без первичных факторов поражения. Далее следует разрушение технологических каналов, выброс радиоактивного пара в окружающую среду, взрыв «гремучки», который поднимает в воздух «Елену» – крышку биологической защиты реактора весом 2000 тонн и выбрасывает в воздух десятки тонн радиоактивного урана, графита и легколетучих изотопов с уровнем излучения 15-20 тысяч рентген в час...

На все эти процессы ушло всего 20 секунд. Ровно в 1 час 24 минуты умирающий ядерный зверь перестал существовать. От него остался лишь огромный бетонный каркас, заполненный остатками конструкций реактора, да несколько тонн топлива и горящего графита на дне. Совсем немного,

не более 10 процентов от первоначальной загрузки. Остальные 90 процентов взрывом выбросит из реактора. Из 30-километровой зоны отчуждения навсегда эвакуируют 140 тысяч человек.

Всего этого два непосредственных виновника аварии – Топтунов и Акимов не узнают. В страшных муках, получив дозу свыше 600 рентген, превратившись в высохшие обугленные головешки, они уйдут в мир иной в мае 1986 года. Третий виновник аварии – Анатолий Степанович Дятлов, получивший 400 рентген, переживёт их на 9 лет, будучи освобождённым из тюрьмы по ходатайству академика Сахарова. Скончается от последствий острой лучевой болезни.

Директор Чернобыльской АЭС, получивший дозу 150 рентген, Виктор Петрович Брюханов, приговоренный к 10 годам лишения свободы, будет освобождён из-под стражи в Киеве в 1992 году после распада Советского Союза. Он жив и поныне.

Главный инженер Чернобыльской АЭС Николай Максимович Фомин будет приговорен к 10 годам лишения свободы. Попытается совершить самоубийство и сойдёт с ума. Освободится досрочно. Будет долго лечиться, а впоследствии – работать на Калининской АЭС, в 2006 году уйдёт на пенсию.

Разработчик реактора РБМК академик Николай Антонович Доллежалъ тихо скончается в Москве в 2000 году, прожив на белом свете 101 год. Его никто и ни в чём офици-

ально не обвинит. Просто снимут с должности и отправят на пенсию.

Спустя много лет, авторы нашумевшего британского сериала «Чернобыль» устами академика Легасова сделают Доллежала едва ли не главным виновником катастрофы. Во всяком случае, у зрителей сложится стойкое впечатление, что Николай Антонович сделал «неправильную» конструкцию стержней-поглотителей, да еще и придумал злосчастную кнопку «АЗ-5», нажатие которой непременно приведет к взрыву реактора.

Это не совсем так. Недостатки у реактора есть, и не только в конструкции стержней. Плохо, что он безоболочный. Плохо, что топливные сборки в активной зоне погружаются в соты из графита, который, при разрушении реактора, начинает гореть. Плохо и то, что, как сказано выше, концевые графитные наконечники стержней, погружаясь в активную зону, вызывают избыточную реактивность, равную 0,5 бета, что приводит к разгону реактора на мгновенных нейтронах.

Но! Прежде, чем нажать эту пресловутую кнопку, участники эксперимента сделали ряд грубых нарушений регламента и самой программы. Коротко перечислим их: отключение системы аварийного охлаждения; провал в «йодную яму» в результате перехода на ручной режим управления стержнями; попытка подняться из «ямы» путём оставления в активной зоне критически малого количества стержней; задействование в работу всех 8 главных циркуляционных на-

сосов, что привело к чрезмерному расходу воды через реактор, а после начала выбега ротора турбины – к быстрому падению напряжения на насосах, недостатку воды в реакторе, её закипанию, избыточному образованию пара и быстрому росту температуры активной зоны. Последние два обстоятельства сами по себе дают мощный прирост реактивности в 4 бета. Реактор уже разгоняется. Без всякого конечного эффекта стержней. Насосы дрожат. Оглушительные хлопки пара слышны из машинного отделения. Чрезмерное давление деформирует технологические каналы. Начинается паро-циркониевая реакция с образованием гремучего газа... И в этот момент нажимается кнопка «АЗ-5»...

Честно говоря, не будь она нажата, катастрофа произошла бы несколькими мгновениями позже...

Нажатие красной кнопки аварийной защиты только ускорило этот процесс, сделало его лавинообразным...

Можно сколько угодно спорить, как бы развивались события, если бы стержни-поглотители не вносили дополнительной реактивности. Каналы всё равно уже были повреждены, и остановить реактор было невозможно. Неизбежен был разгон, расплавление активной зоны, образование водородного пузыря с последующим его взрывом, выброс радиоактивности в окружающую среду. Ну, и какая разница: нажата кнопка – или нет?

Думаю, не следует на разработчика реактора сваливать львиную долю вины. Это всё равно, что забыть включённый

утию, а потом обвинить в пожаре изготовителя, на том основании, что термостат плохо сработал.

А ведь реактор – не утию. Предполагается, что за блочным щитом управления реактором сидит не безграмотный потребитель, а опытный, обученный человек. И всё-таки это человек, которому, как известно, свойственно ошибаться.

До 1986 года на Западе было 12 достаточно крупных аварий на атомных станциях. Разумеется, не чернобыльского масштаба. У нас до Чернобыля таких аварий было порядка 20. Особенно отличалась Белоярская АЭС, где неоднократно допускали расплавление активной зоны реактора. И почти во всех случаях причинами были спешка, непонимание физики работы реактора, грубые ошибки персонала. То есть человеческий фактор.

Что же – нам понабилась планетарная катастрофа, чтобы на АЭС сделали такие виды защит, при которых ошибки оператора приводят к остановке реактора, а не к саморазгону? Я не знаю.

Зато знаю другое: если в самый хороший и надёжный реактор прекратится подача воды – беды не миновать, даже в том случае, если цепную реакцию полностью заглушит автоматическая аварийная защита. Потому что осколки деления ядер урана будут греться сами и плавить активную зону. Что и произошло в Фукусиме. На самом совершенном реакторе в мире.

Без атомных электростанций цивилизация уже не обой-

дётся. Нет в мире иного топлива, кроме ядерного, чтобы удовлетворить растущие потребности планеты. И атомных станций становится всё больше и больше...

Куда же ты идешь, человечество?..

Глава первая

Как не хочется вставать ранним субботним утром чудной полесской весны.

Ещё бы покемарить часок-другой, забыться сладким сном грубоватых юношеских грёз, столь свойственных подростковому возрасту. А потом протопать босиком на кухню, распахнуть обе створки окна, выдохнуть остатки снов и вчерашних школьных неприятностей, да позволить тёплому апрельскому воздуху до отказа наполнить грудь свежестью нового дня. Хорошо бы... Но будильник электронных наручных часов «Montana» противно и настырно пищал, словно бы давая понять, что проспять такое чудесное утро, а заодно и прогулять школу, нет никакой возможности.

Сашка лениво открыл глаза и раздражённо потянулся к продолжающим пищать и звенеть часам, намереваясь со всей молодецкой силы трахнуть по ним кулаком. Но, конечно же, одумался и деликатно нажал на одну из четырёх кнопок. Писк прекратился. Батарейку надо беречь и часы тоже. Сей электронный гаджет был предметом гордости каждого уважающего себя советского школьника старше 13 лет. Невдомёк было пацанам, что эти часики – всего лишь китайская штамповка, стоившая в заграничных морских портах 1

доллар. А наши спекулянты продавали их за 80 целковых, выдавая за крутые американские хронометры. Поэтому обладатели таких часов, лопааясь от гордости, распевали вольную переделку на русский известной песни группы «Арабески» – «Купи мне, мама, ого-ого, часы «Монтана», ого-ого!». Те же, у кого заграничных часов не было, ехидно заменяли в тексте песни слово «часы» на «труссы», а потом спасались бегством от рассерженных обладателей лже-американской электроники. Кому убежать не удавалось, оказывались в раздевалке спортзала в собственных трусах, надетых на голову.

Сашка неохотно спустил ноги с кровати, удовлетворённо погладил указательным пальцем шёлковый пушок на верхней губе, секунду раздумывал, надевать ли трусики, а потом, как был в трусах, потопал на кухню.

При его появлении красноярский холодильник «Бирюса» мягко щёлкнул релейкой и довольно заурчал, словно бы приветствуя юного хозяина квартиры. Сегодня мальчишка и правда был хозяином дома – мама работала в ночную смену в медсанчасти на улице Огнева, – а потому никто не помещал Саньку крупными глотками отхлёбывать ледяное молоко из добытого в недрах холодильника треугольного картонного пакета. День начинался, определённо, хорошо.

Абонентская радиоточка на стене щёлкнула, фыркнула и трижды исполнила первые аккорды народной песни на стихи Тараса Шевченко «Реве та стогне Дніпр широкий», а потом

приятным, хорошо поставленным женским голосом торжественно сообщила: «Говорить Київ. В ефірі перша програма українського радіо. О шостої години слухайте програми Всесоюзного радіо».

Сашка опустошил молочный пакет и впился зубами в уже начинающую черстветь, но всё ещё ароматную ватрушку. Резко распахнул окно – стёкла возмущенно звякнули, – перегнулся через подоконник и посмотрел вниз. Редкие молодые топольки едва доставали до второго этажа. Девятиэтажка по улице Лазарева, в которой жили Санёк с мамкой, была, своего рода, местной достопримечательностью. И всё из-за дурацкого лозунга на крыше, выполненного железными аршинными буквами: «Хай буде атом робітником, а не солдатом». Первое слово лозунга вызывало извечные насмешки сашкиных друзей-оболтусов, а многочисленные командировочные считали своим долгом обязательно сфотографироваться на фоне диковинного дома.

Сашка дожевал ватрушку и посмотрел на противоположную сторону улицы.

Его взгляд рассеяно скользнул по длинному трехэтажному зданию узла связи и упёрся в новенькие корпуса ПТУ. Если в будущем учебном году его «успехи» в школе будут столь же «впечатляющими», как в нынешнем, придётся идти учиться на какого-нибудь автослесаря.

Вдруг что-то насторожило мальчишку. Он потянул носом воздух. Едва ощутимо пахло гарью. Такой запах бывал зи-

мой в окрестных сёлах, когда в хатах углём топили печи. Но кому придёт в голову жечь уголь в современном атомограде? Сашка недоумённо вертел головой. Прищурившись, посмотрел на Центральную площадь. За торговым центром, возле Дворца культуры, стояли две машины ГАИ и суетилось десятка два человек, все в милицейской форме. Что ли магазин обокрали? Или ресторан?

Чёрная «Волга» резко взвизгнула тормозами и остановилась напротив входа в узел связи. Четверо мужчин в серых костюмах впопыхах выскочили из «Волги» и поспешно направились внутрь здания. Одного из них, начальника горотдела УКГБ Виктора Клочкова, Сашок узнал. Клочков жил в соседней высотке с гербом УССР, был грозой дворовых хулиганов школьного возраста, да и взрослые обитатели соседних домов его почему-то побаивались. Почему? Он же не начальник милиции?

Сашка смотрел в окно ещё с час. В здании узла связи царил непонятная суматоха. На Центральную площадь выехали две поливальные машины и одна пожарная. Что же там у них происходит, черт побери?!

Запах гари вроде бы исчез. Почему-то поднялось настроение. В голове зашумело, как после выпитой бутылки пива, коего Санёк на прошлой неделе отведал в неприметном углу двора, вместе с лоботрясами из ПТУ, а потом получил от мамки ремня, вытащенного из его же выдавших виды потёртых джинсов. Сашка нехотя слез с подоконника и пошел

одеваться.

Коричневые школьные брюки были загодя заботливо выглажены мамой, как и синяя рубашка из чистого хлопка, как и шёлковый алый пионерский галстук. Недолго осталось Саньку носить этот непрременный атрибут советского детства – в будущем учебном году он станет взрослым комсомольцем.

Сашка привычным движением, доведённым до автоматизма последними пятью годами, завязал галстук под воротничком рубашки. Посмотрелся в зеркало. Щедро наодеколонил медные вихры дорогушим одеколоном «Консул», французский аромат которого явно нравился соседке по парте. Попробовал было причесать пышные, торчащие во все стороны патлы, но расчёска сразу же застряла в волосах, недвусмысленно намекая на необходимость посетить парикмахерскую в Доме быта «Юбилейный» – сделать модельную стрижку за 60 копеек. Не то, что бы Санёк был большим аккуратистом по части внешнего вида, но заинтересованные взгляды девчонок в школе заставляли держать марку. Саша в школе и Сашок с ребятами во дворе – люди разные.

Через десять минут парнишка с треском захлопнул дверь квартиры и с грохотом товарного поезда, перепрыгивая через две ступеньки, устремился вниз. Лестница гулко дрожала. Сашка радостно двинул рукой по железным почтовым ящикам и выпрыгнул на крыльцо. Шум он поднял невообразимый. Злюка-соседка баба Клава непременно нажалует-

ся матери. Ну и пусть. Хорошее настроение субботнего утра того стоит. До двух часов дня нужно как-то перекантоваться в школе, а потом... Потом можно на реку. Правда, холодна ещё водичка. А можно в бассейн «Лазурный». А можно в кинотеатр «Прометей» на премьеру фильма «Конец операции «Резидент» с Георгием Жжёновым. Да мало ли куда можно забуриться без году неделя 14-летнему пацану до самого понедельника! А потом ещё месяц, два экзамена по алгебре и русскому за 7 класс, и летняя зелёная пропасть, глубиной в 92 дня, непременно обеспечит шоколадный загар, новые кроссовки, магнитофон «Маяк» с колонками, обещанный мамой на день рождения, и целый миллион приключений!..

Взгляд Сашки остановился на здании детского сада «Золотой ключик», облицованного красивой розовой плиткой. Вот беззаботная жизнь у малышни! Никаких тебе уроков, никаких домашних заданий! Хоть весь день ничего не делай, знай себе играй, спи, да питайся манной кашей на завтрак, борщом на обед и запеканкой на полдник. Сашка передёрнулся – о запеканке вспоминать не хотелось: она была невкусной, не лезла в горло, и иначе как «запиханкой» дети её не называли. Хотя, пожалуй, лучше поднатужиться и слопать одну «запиханку», чем маяться на шести школьных уроках, каждый раз испуганно замирая при словах учителя: «К доске пойдёт...» Пауза после слова «пойдёт» всему классу казалось вечностью. Вот бы иметь машину времени. За-

глянешь на денёк в будущее и узнаешь – какой урок учить, а какой нет...

По улице Курчатова медленно ползла оранжевая поливальная машина. Целые фонтаны воды щедро лились на асфальт, заливая белой пеной и дорогу, и кустарник, и тротуар. Пена неприятно тошнотворно пахла. Не желая принимать незапланированный вонючий «душ», Сашка быстро перебежал улицу, рысью промчался по заросшей сиренью дорожке между двумя пятиэтажками, обогнул школьный пищеблок и выскочил к парадному входу школы №2.

Высокий светловолосый старшеклассник нахально дымил сигаретой, сидя на кафельном бордюрике синего фонтанчика. Глаза Санёк округлились. Ничего себе! Такое хамство непозволительно даже выпускникам! Сашка мысленно пожелал, чтобы фонтан неожиданно включился. Да под напором! Да по сильнее!

Светловолосый нехотя отбросил недокуренную сигарету в сторону. Санёк хотел было сказать что-нибудь ехидно-непечатное, но осёкся под тяжёлым, странным взглядом рослого парня.

– Привет, Зарубин! – первым поздоровался Стасик. – Говорят, на станции авария. Тяжёлая. И пожар. Может быть, сегодня занятий не будет.

Сашка беспечно уселся рядом. Смысл сказанного до него не дошёл. Зато он вдруг понял, что пластмассовый дипломат с учебниками и тетрадками почему-то остался дома.

– Какая ещё авария? – растерянно захлопал глазами За-
рубин. – На какой станции?

– Да, не на автобусной же! – рывкнул басом рассерженный
Стась. – На АЭС!

У парня как-то лихорадочно блестели глаза. Он был
неестественно возбуждён, в голосе чувствовалась хрипотца.
Сам того не замечая, юноша время от времени почёсывал
икры ног обеими руками.

Откуда было ребятам знать, что эти симптомы – первые
признаки умеренных доз радиации? Пока умеренных. Этим
субботним утром такие симптомы в разной степени ощуща-
ли на себе все жители Припяти.

Глядя на Стася Сашка, и сам задумчиво почесал икры ног.

– Я ещё дома на рассвете почувствовал запах гари, как
будто уголь горит,

– вдруг вспомнил Санёк.

– Да какой на фиг уголь! – вновь раздраженно отозвался
Стась. – Там у них на энергоблоках крыши покрыты битумом,
вот он и горит. Пожар там! А что произошло, фиг знает!
Дозвониться с утра на станцию не можем бате. Тон-гене-
ратор в трубке поёт, номер набираем, а соединения нет. А
«восьмёрка» вообще не набирается!

Сашок уважительно и как-то опасливо покосился на де-
вятиклассника. Стасик был человеком технически грамот-
ным, разбирался во всех отраслях науки и техники. За это
его уважали, как и за крепкие, словно бы железные кулаки.

Неизвестно за что больше. Но нрав у парня был взбалмошный. Рассказывали, что в начале учебного года, на разборке с двумя усатыми дядями-десятиклассниками в школьном туалете, Стась сорвал пломбу с огнетушителя и щедро остудил боевой настрой превосходящих сил противника едкой углекислой пеной. Пены с лихвой хватило, чтобы залить по уши обоим мордоротов, а также весь туалет, коридор и лестницу. Осенние каникулы все трое провели под родительским домашним арестом, но больше в школе Станислава никто не трогал...

Дело шло к 8 часам, и двор заполнился шумным малолетним людом. Потоки учеников и учителей тонкими струйками просачивались в здание, расплзались по школьным коридорам и классам. Начинался 6-часовой школьный день, и, вроде бы, уроки никто отменять не собирался.

– Я дома дипломат забыл с учебниками, – вдруг сообщил Сашка.

– А голову ты дома не забыл?! – передразнивая завуча, запищал Стасик.

– Хотя я тоже сменку не захватил, а первым уроком физра...

Санька молча ждал продолжения. Взять на себя ответственность за прогул учебного дня должен был старший. Стась не заставил себя долго ждать:

– В мои планы посещение школы сегодня не входит. Думаю взять велик и махнуть на станцию к отцу. А ты иди, gry-

зи гранит науки!

– У меня зубы плохие, – Сашка радостно вскинул руку наискосок лба: – Всегда готов...прогулять. А чего на станцию тащиться? Может, туда тебя и не пустят. Давай позырим с крыши твоей 16-этажки, что там творится?

Стасик секунду раздумывал, потом поднял со скамейки школьную сумку, перекинул её через левое плечо и молча кивнул в сторону протоптанной сквозь кусты сирени дорожки.

Санёк оглянулся на школьное крыльцо. Четыре широкие ступеньки. Два уличных светильника в белых плафонах. Синяя табличка «Средняя образовательная школа № 2». Застывший на ступеньках директор Михаил Павлович Штин, внимательно смотревший сквозь роговые очки вслед убегающим ученикам...

Сашка вновь увидит это крыльцо много лет спустя, когда приедет в мёртвый город гражданином государства Украина. И советское прошлое печально посмотрит на взрослого Александра сквозь разбитые окна школы...

Глава вторая

Если бы Сашка и Стасик не сорвались с уроков, их судьба могла бы сложиться по-другому. С началом учебного дня председатель Припятского горисполкома Владимир Павлович Волошко, не спрашивая разрешения высокого начальства, по собственной инициативе обзвонит по служебным телефонам директоров школ и, не вдаваясь в подробности,

распорядится закрыть все учебные заведения до понедельника. Плохо понимая суть происходящего, учителя, тем не менее, дадут ученикам абсолютно верную рекомендацию – вернуться домой, закрыть все окна и провести влажную уборку в квартирах.

Тем временем работники узла связи, выполняя требования сотрудников горотдела УКГБ, восстановят работу всех городских телефонов, за исключением телефонов АЭС, и заблокируют выход на межгород, чтобы не допустить утечки информации. Междугороднюю связь оставят только в подземном бункере атомной станции и в кабинете первого секретаря Припятского горкома партии Александра Сергеевича Гаманюка. Включение городских телефонов несколько успокоит жителей города, а отсутствие «междугородки» оставит население огромной страны в неведении до понедельника...

В половине девятого утра Стасик и Санёк поднялись на лифте на 3-й этаж высотки по улице Лазарева, 7.

– Подожди меня на лестнице, – негромко сказал Стасик, – возьму дома бинокль.

За дверью раздался хриплый собачий лай. Стась ловко подхватил на руки выскочившего в подъезд сердитого чёрного пинчера, было вознамерившегося вцепиться острыми зубами в сашкины брюки, и мгновенно исчез в недрах квартиры.

Стасика не было минут десять. Видимо, найти бинокль в авгиевых конюшнях комнаты советского подростка было

делом нелёгким.

Сашка прислонился к покрашенной зелёной масляной краской стене и сучающим взором обвёл двери лифтов, электрощиты со счётчиками и синюю трубу мусоропровода, неплотно закрытый ковш которого источал не совсем приятные «ароматы». Мусоропровод – не самое удачное изобретение человеческой цивилизации. Конечно, удобно избавляться от мусора не выходя из дома, вот только про мусорные пакеты наши люди и слыхом не слыхали, а потому запах отходов жизнедеятельности был неизменным спутником всех панельных советских высоток.

Санёк уже было собрался ароматизировать чужой подъезд с помощью сигарет «Afamia», но вовремя передумал, вспомнив о несдержанном норове старшего товарища.

– Мам, я сам знаю, куда мне идти! – донёсся из-за двери приглушённый бас Стасика.

Замок щёлкнул, и Стась, пригнувшись, быстро выскочил на лестницу, не позволив пинчеру повторно атаковать Сашку.

Стасик небрежно утопил пальцем кнопку вызова лифта и гордо потряс перед сашкиным носом чёрной кожаной сумочкой:

– Бинокль БПЦ-2, двадцатикратный. В такой бинокль видно станцию «Мир», улицу Крещатик и девчонок в раздевалке ПТУ.

– Ух, ты! Чё, правда? – деланно наивно восхитился Са-

нёк. – Сдавай бинокль в аренду пацанам – миллионером будешь!

Стась несколько секунд подозрительно смотрел на младшего друга, раздумывая, кто кого разыгрывает.

– С твоими длинными патлами можешь посещать раздевалку лично. Всё равно никто от девчонки не отличит!

Двери лифта с грохотом открылись, пресекая на корню начавшуюся было потасовку...

Здание высотки украшал огромный герб УССР. 16-этажка по улице Лазарева, 7 была точной копией высотки под номером один. Только на первой был герб Советского Союза. В атомограде политкорректность соблюдали во всём. Впрочем, могло быть иначе в те годы?

Мальчишки шли по мягкой кровле дома, осторожно оглядая линии проводного радио и телевизионные антенны. Было жарко, и кроссовки так и норовили прилипнуть к рубероиду. Запах гари на высоте 50 метров над землей был более отчётливым и резким. Сашка провёл рукой по странной чёрной пыли, тонким слоем покрывшей антенны. Поднёс ладонь к носу, понюхал, брезгливо сморщился:

– Ты когда-нибудь видел пыль, которая пахнет электричеством?

Ответа не последовало. Саня посмотрел на Стасика, который замер статуей, вцепившись обеими руками в поднесённый к глазам бинокль.

Сашка на мгновение застыл, глядя на раскинувшийся

вдали огромный белоснежный комплекс зданий атомной электростанции. Над четвёртым энергоблоком поднималось огромное дрожащее почти прозрачное марево раскалённого воздуха.

Санёк быстро подбежал к Стасику, вспрыгнул на бордюрик и ухватился за бетонное ограждение:

– Что там? Пожар? Что горит? Огонь видно?

Стасик, продолжая глядеть в бинокль, провёл языком по вдруг пересохшим губам.

– Огня не видно, – растерянно сообщил он, – вокруг станции много людей в милицейской форме. Такое впечатление, что их там сотни. Ого, кажется, генерала вижу. А может не генерала. Вижу, три машины «Скорой» едут в город. Ох, ты ж блин, – по шоссе из Чернобыля бэтээр едет. Ни фиги себе, не один бэтээр – целая колонна! Зыбь, зыбь – вертолёт летит! Кружит над станцией. А, «Скорые» мигалки включили! Поворачивают на Огнева, к санчасти!

– У меня там мама сейчас! – нервно заорал Сашка. – Её среди ночи подняли, на работу вызвали!

Сильный порыв ветра дунул на ребят со стороны станции Янов. Запах гари усилился, резко запахло озоном. Оба закашлялись. Сушило горло. Кожа на лице неприятно стягивалась.

Именно в эти мгновения ветер, дувший с вечера с юго-востока, сменился на юго-западный. Ночью облако взрыва обошло город стороной, и радиоактивная труха лишь слегка за-

цепила путепровод. Основная масса высокоактивных аэрозолей прошла над лесом и станцией Янов, оставляя на поверхности почвы тяжёлые нуклиды, активностью до 10 тысяч рентген в час. Теперь счастье Припяти изменило. И радиоактивность воздуха стала быстро расти. К обеду на улицах города фон возрастёт до одного рентгена в час. На кронах деревьев и крышах домов будет намного больше.

Ничего этого ребята не знали. Они выхватывали друг у друга бинокль, бегали по крыше, а радионуклиды продолжали оседать на их волосах и одежде.

– Эй, пацаны, вам жить надоело?!

Человек в милицейской форме выбрался из подъезда на крышу и, сложив руки на груди, строго смотрел на ребят. Его лицо было пудрено белым, словно бы присыпанным тальком, рубашка промокла от пота.

Бежать было некуда. Сашка юркнул за спину рослого Стася. Стасик положил бинокль в сумку, застегнул молнию и безбоязненно глянул в лицо представителю власти, забасив солидным взрослым голосом:

– Что происходит, товарищ младший лейтенант?

Милиционер без тени улыбки посмотрел на юношу:

– Бегом домой, товарищи школьники! Все окна в доме закрыть. Одежду сменить. Начисто вымыться с мылом.

Он надолго закашлялся, вытер рукой пот со лба и как-то просительно взглянул на ребят:

– Уходите отсюда, пацаны! Не до вас теперь, правда...

... В ближайшие часы десятки милиционеров будут обходить высотные дома Припяти, осматривать крыши и закрывать их на замки. Тем самым они спасут жизни многим любопытным мальчишкам.

Накануне, в 5 часов утра, в Припять прилетит из Киева заместитель министра внутренних дел УССР генерал-майор Геннадий Васильевич Бердов. Старый генерал обойдет пешком по периметру разрушенный 4-й энергоблок и всё поймет сразу. Ничего не смысливший в ядерной физике сильно облученный седой человек, в отличие от впавших в ступор Брюханова и Фомина, начнёт активно действовать. Не теряя время на уговоры высокого начальства, Бердов сам поднимет на уши все автохозяйства Киева. В результате 1 100 автобусов уже днём 26 апреля растянутся в цепочку на шоссе между Чернобылем и Припятью, готовые к эвакуации людей. Не вина генерала, что правительственная комиссия затянёт эвакуацию почти на сутки. По приказу Бердова, прибывшие в Припять свыше тысячи сотрудников милиции живым кольцом оцепят станцию, посёлок и пруд-охладитель с радиоактивной водой; пройдутся по всем излюбленным местам отдыха горожан и разгонят недовольных людей по домам, спасая тем самым безмерное количество жизней. Все сотрудники милиции, от рядовых до полковников, сильно переоблучатся, но не покинут своих постов до прибытия войск химзащиты.

Другое время, другие люди, другая страна...

Глава третья

Во дворе Стасика атаковали вопросами прибежавшие из школы соседи – Ромка и Богдан. Сашка их почти не знал – они учились в третьей школе. Ребята рассказали, что уроки отменили «впредь до особого распоряжения», домашних заданий не задавали, велели вернуться домой, закрыть окна и делать влажную уборку.

– Сказали, что на станции пожар, и ветер может принести вредные вещества, – ломающимся голосом сообщил чернявый Богдан.

– А еще сказали, чтобы после уроков все сидели в классах и ждали, когда таблетки раздадут, – добавил фальцетом астеничный Ромка. – А мы сорвались, мы что больные – таблетки пить?!

– Какие таблетки? – вдруг насторожился Стась.

Он внимательно слушал ребят, облокотившись о руль взрослого велосипеда «Украина» – собирался ехать на станцию к отцу.

– Кажется, йодный калий и пентальгин, – запинаясь, выговорил Ромка.

– Йодистый калий и пентацин? – переспросил Стась.

Неопределённое молчание в ответ.

Стасик нахмурился, задумался. Про такие лекарства он знал. Несколько лет назад, после аварии на 1 энергоблоке, отец долго пил эти препараты, и они до сих пор лежали дома в аптечке. На всякий случай.

– Неужели, радиация? – тихо и тревожно произнёс Стась. – Если сопоставить в один ряд запах гари, странную пыль на крыше, закрытые школы, таблетки...

– Да, брось ты, какая на фиг радиация? – встрял в разговор Сашка. – Сам же сказал, что пожар. Битум горит и всякая гадость. Поэтому гарь, копоть на крышах, вот всех и разгоняют по домам, чтобы не надышались.

Ребята замолчали. Запаха гари во дворе слышно не было. Полесская сирень благоухала весной. Совсем молодые светло-зелёные кроны деревьев отбрасывали не слишком плотную тень на покрытую росой траву. Воробьи устроили шумную чехарду возле песочницы. Рыжий кот, сидевший на заборе детского сада, внимательно следил за скандальным птичьим семейством, явно намереваясь внести в воробьиную перепалку некоторое разнообразие. Двое рабочих, взобравшись на козырёк крыльца детской поликлиники, шумно переругиваясь, разворачивали транспарант из красного кумача – юный город готовился встречать свой шестнадцатый Первомай.

Всё знакомо, всё привычно. Вот только как-то возбуждённо дрожали ребячьи нервы и тревожно бились сердца, словно бы впереди ожидалась не весенние праздники, а школьные экзамены.

– Так, я поехал на работу к отцу, – нарушил Стасик затянувшееся молчание. – Спрошу, чего да как. Да и вообще – разведу обстановку.

Богдан и Ромка, перебивая друг друга, выразили готовность присоединиться к соседу-старшекласснику.

– Да кто вас туда пустит?! – заорал на весь двор Сашка, у которого велосипеда не было. – Там милиции полно! Получите по шее – и всех дел!

Богдан и Ромка, проигнорировав сашкину реплику, со всех ног бросились домой за велосипедами. Крыльцо задрожало. Встревоженное гулкое эхо испугано вырвалось из подъезда на улицу. Казалось, что по лестнице скачет галопом лошадь.

– Если хочешь, садись на багажник, – предложил Стасик Сашке.

Санёк на секунду задумался, иронично покачал головой:

– Такой тощий дылда, как ты, с моим весом даже с места не сдвинется!

Длинная нога Стасика молниеносно распрямилась как пружина и растерянно повисла в воздухе, не достигнув цели – Санёк успел отскочить.

Злить агрессивного Стася в Сашкины планы не входило, просто он не очень любил ездить на багажнике – потом пятая точка долго болела, почти как после отцовского ремня. К тому же, где-то в подсознании засели и слова Стасика о радиации, и разговоры о непонятных таблетках, и недавнее предупреждение молодого милиционера. Санька решил, на «всякий пожарный», сполоснуться под душем и сменить одежду.

– Я пошёл домой! – благоразумно не приближаясь к разо-

злённому Стасику, крикнул Сашка. – У меня свои планы на сегодня. Да и ваше, я что – дурак на станцию ездить? Говорят, от радиации, знаешь чего отваливается?

Велосипед Стася как-то сам собой стал на дыбы, цепь взвизгнула, звонок угрожающе тренькнул, заднее колесо предательски забуксовало на песке.

Радостно гогоча во всю глотку, Сашка опрометью понёсся к своему дому.

Добежал до крыльца. Оглянулся назад. Чертыхаясь на весь двор, Стасик тщетно пытался извлечь запутавшиеся длинные конечности из упавшего на землю велосипеда. Санёк испуганно перевёл дыхание. На такой суперский финал он совсем не рассчитывал. Стасик, дылда неуклюжая! Сам дурак, что так подставился на глазах всего честного двора. А теперь хоть неделю из дома не выходи. Но, вообще-то, классно получилось! Жаль, что друга Лёшки из восьмого «А» не было с фотоаппаратом. Тогда бы влёгкую можно было обменять у Стасика негативы на личную неприкосновенность...

Звонок телефона Сашка услышал ещё в лифте. Телефонный аппарат у них в квартире звонит оглушительно. Видимо, специально делали для слабослышащих. А может его на заводе настраивал глухой мастер? Как бы там ни было, но когда телефон звонил, соседская такса начинала завывать. Немелодично, но громко. Уж сколько раз, ради спокойствия таксы и её нервных хозяев, Сашка порывался на ночь телефон выключать. Но при такой работе, какая была у родите-

лей, телефон должен был работать круглосуточно.

Пока Сашка ехал до своего восьмого этажа, пока открывал замок, телефон продолжал настырно трезвонить. Санёк, не снимая кроссовок, протопал в гостиную.

– Да! – рявкнул он в трубку.

– Салют, Сань! – сквозь непривычные шелки и трески линии донёлся голос Лехи. – Ты чего в школе не был?

– Да-а, тут понимаешь, дела такие... – неопределённо тянул Санёк.

– Что у тебя с телефоном? Ни фиги не слышно! – откуда-то издалека осведомился Лёха. – Дела, реально ещё те! Тут такое творится, атас! АЭС горит. В школе таблетки выдавали. Говорят, реактору – амба! Радиация там! Милиции полно! Колонна бэтэров пришла! Приходи, вместе с моей крыши посмотрим!

– Да были мы уже со Стасом на крыше. В бинокль смотрели. Ничего уже там не горит, потушили всё давно! – авторитетно сообщил Сашка.

– А-а, ты видел уже, – разочарованно протянул Лёха. – Всё равно приходи. С Ленина намного ближе, и видно лучше!

– Ладно! Позвоню родителям, поем и приду!

Сашка нажал на рычаг и набрал мамин телефон. Короткие гудки. Занято. Набрал номер общего телефона 2-го энергоблока. Трубка кряхтела, трещала помехами, но соединения не было. Ещё раз. Тот же результат. Неисправна АТС? Сашка вспомнил про утреннюю суматоху на узле связи. Заглянул в

телефонный справочник. Набрал на пробу номер директора школы. Три длинных гудка.

– Вторая школа. Слушаю. – раздался усталый баритон Михаила Павловича.

Сашка тихонечко положил трубку на рычаг. Посмотрел на грязные, серые, ещё на крыше запачканные ладони. Развязал в прихожей шнурки покрывшихся пылью кроссовок, и направился в ванную...

Если бы сейчас поднести к этим кроссовкам датчик радиометра, стрелка показала бы 25 рентген. Максимально допустимая годовая доза радиации для работников атомных станций. Вот только истинных уровней радиации в Припяти утром 26 апреля ещё не знает никто...

Ночью дозиметрист службы контроля радиационной безопасности АЭС Николай Горбаченко будет бестолково метаться по разрушенному зданию 4 энергоблока с радиометром, не способным измерять уровни активности свыше 1000 микрорентген в секунду. Стрелка радиометра зашкалит на всех диапазонах. Исходя из этого директор станции Виктор Брюханов, сделает ложный вывод, о наличии на блоке радиационных полей с уровнями не выше 5 рентген.

Ранним утром на станцию прибудет начальник гражданской обороны Воробьёв с радиометром на 250 рентген в час. Его стрелка тоже зашкалит. Брюханов проигнорирует доклад Воробьёва и сообщит в Москву о радиационной обстановке в пределах нормы. Москва прикажет подавать воду в несущ-

ществующий реактор. Драгоценное время будет потеряно, пожарные и персонал сильно переоблучатся. В 6-й клинике Москвы их высохшие тела навечно покроет бурый ядерный загар...

К полудню 26 апреля на станцию примчится группа московских специалистов во главе с министром энергетики СССР Анатолием Майорцем. Не подозревавший о смертельной опасности министр, непристойно матерясь, будет бегать вокруг ядерного завала, в истерике разбрасывая летними ботинками чёрные куски выброшенного из реактора графита. Утратив чувство реальности, Майорец потребует скорейшего восстановления разрушенного блока. Более сведущий в ядерной энергетике главный инженер «Союзатомэнерго» Борис Прушинский, почуяв неладное, поднимется в воздух на вертолёт и поймёт, что реактор разрушен. Зашкалившая над реактором за тысячу рентген стрелка радиометра произведёт на Майорца неизгладимое впечатление. Вмиг притихший министр позвонит из подземного бункера станции советскому премьеру Николаю Рыжкову и попросит дополнительной помощи.

В девять часов вечера в Припять прибудет расширенный состав правительственной комиссии во главе с заместителем Председателя Совмина СССР Борисом Евдокимовичем Щербиной. С его приездом царившая на станции бестолковщина прекратится. Начнутся осмысленные действия. Военные дозиметристы армейскими дозиметрами установят точ-

ный уровень фона на 4 энергоблоке – от десятков рентген в час на пульте БЩУ, до 10 000 рентген возле завала. В Припяти начнёт работу дозиметрическая служба. Показания радиометров ошарашат медицинских светил из правительственной комиссии: активность воздуха на улицах до одного рентгена в час, почвы – до пятидесяти. Щербина запросит у Москвы разрешение на эвакуацию Припяти.

В эту ночь в Москве во всех окнах здания ЦК на Старой площади, будет гореть свет. Ещё не осознавший до конца масштабы происшедшего Генеральный секретарь даст добро на тотальную эвакуацию украинского атомграда. Наверное, впервые за всю историю большой страны, прагматично мыслящий новый советский лидер поставил безопасность людей выше интересов государства. Едва ли прежнее руководство СССР решилось бы раскрыть перед миром масштабы беды, эвакуировав в мирное время 49 тысяч человек. Помните об этом, когда привычно ругаете Горбачёва...

Ничего этого субботним утром Сашка ещё не знает. Как не знает и того, что в медсанчасти Припяти его мама, вместе с другими медиками, не прекращает борьбу за жизни полутора сотен человек, доставленных с атомной станции. Многие в крайне тяжёлом состоянии. Одежда пожарных превратилась в камень, облучённая тысячами рентген. Уже умер от тяжёлых травм и радиации инженер-наладчик Владимир Шашенок. Две с половиной тысячи бэр сжигают заместителя начальника электроцеха Александра Лелеченко. Не могут

разогнуть рук совсем юные почерневшие стажёры Кудрявцев и Проскураков, заглянувшие с высоты реакторного зала в синюю бездну активной зоны. Утратили способность говорить, ставшие бурыми отёкшие Акимов и Топтунов. Чёрная кожа лохмотьями висит на обожжённых радиоактивным паром Анатолии Кургузе и Петре Паламарчуке. Заходятся на койках в горячем бреде десятки пожарных, тушивших крышу машзала. Им ставят капельницы с физиологическим раствором и вливают в вены пентацин.

Физраствора на всех не хватает. Его готовят в соседней аптеке на улице Курчатова и ещё горячим доставляют в санчасть. Не хватает врачей, не хватает медсестёр. Да и сами медики едва держатся на ногах, нахватавшись радиации от распахнутых настежь окон и облучённых тел. Но уже идет на посадку в Жулянах прилетевший из Москвы самолёт с лучшими врачами шестой клиники. В столице Украины московские врачи сформируют общую команду со специалистами киевского института радиологии и уже через два часа, приедут в Припять. Светила медицины ядерных катастроф, осмотрев пострадавших, первыми поймут масштабы трагедии, охватившей страну. Облучённых людей распределяют по степени тяжести между двумя клиниками. В столицах обеих союзных республик врачи сделают всё возможное, для спасения жизни облучённых людей. Но медицина 20 века не всесильна. 31 человек вырвать из лап атомной смерти не удастся. Еще 131 человек сумеет пережить острую лучевую

болезнь. Количество людей, пострадавших от последствий Чернобыля, до сих пор не может назвать никто...

Всё это Сашка узнает намного позже. А пока, сменив навхватавшую рентгены школьную форму на чистые джемпер и джинсы, он бежит по вечернему городу, навстречу взбесившемуся мирному атому.

Глава четвёртая

Последний субботний вечер апреля выдался жарким и тихим. Раскалённое солнце закатилось за горизонт почти час назад, и долгие весенние сумерки неохотно сдавали вахту тёмной южной ночи. Ветер, и без того вялый днём, окончательно стих, то ли спрятался в урочище Янов, то ли, сморённый жарой, задремал на просторах полесской лесостепи, убаюкивая во сне молодые сосенки, в ожидании воскресного утра.

А вот городу не спалось. Обычно тёмные в это время суток окна горисполкома теперь сияли белым пламенем люминесцентных ламп, двери кабинетов всех четырёх этажей были распахнуты настежь, трубки телефонов раскалились от сердитых мужских голосов, а перегруженные междугородние линии узла связи сердито щёлкали релейками коммутаторов, раз за разом сбрасывая «восьмёрки» тщетно набираемые встревоженными припятчанами. Исправно работала лишь высокочастотная связь, безотказно соединяя членов Правительственной комиссии с кабинетами больших и очень больших чиновников Киева и Москвы. Неповоротливый бю-

рократический маховик огромной страны, хоть и медленно, но всё же приходил в движение. С началом рабочей недели он наберёт невиданные обороты, завертится с бешеной скоростью, и 30-километровая зона отчуждения проглотит своим ядерным чревом десятки миллиардов полновесных рублей. Здесь будут, в прямом смысле слова, зарыты в землю десятки сёл и тысячи тонн радиоактивных отходов, здесь придут в негодность сотни единиц тяжёлой техники, и огромный железобетонный саркофаг навечно похоронит реактор, вместе с планами и судьбами многих тысяч потерявших здоровье людей...

Но пока масштабы трагедии в полной мере не осознаёт никто. Великая беда прячется в ночном сумраке. Чернобыльскую катастрофу скромно именуют «аварией», готовясь к эвакуации только одного населённого пункта – Припяти. И обречённый город не спит, беспомощно подставив под падающий с небес ядерный пепел улицы, скверы, дворы, дома и вихрастые головы двух мальчишек, застывших в ночи на крыше девятиэтажки по проспекту Ленина, 4.

Эта высотка – одна из ближайших зданий Припяти к площадке АЭС. Отсюда до четвёртого блока два с половиной километра. Гамма-лучи не проходят в атмосфере больше двух. А особо опасные бета-частицы и вовсе гасятся в воздухе в десятке метрах от реактора. Поэтому ребята в относительной безопасности. Но легколетучий радиоактивный изотоп йода-131, смешавшись с пеплом реакторного графита, оседает

на одежду и волосы беспечных мальчишек. Что на сашкиной русой голове, что на лешкиной чёрной шевелюре, уже скопились миллионы кюри распадов. Скоро их волосы станут серыми, полезут клочьями. Да бог бы с ними, с волосами, – отрастут патлы к осени. Страшно другое: глупая щитовидная железа, не отличает полезный йод-127 от его радиоактивного 131-го собрата. И последний, скопившись в тканях щитовидки, будет долгих 8 дней облучать организм бета-частицами. А таблетки йодистого калия, которыми напичкают ребят, не окажут целительного действия, ибо пить их нужно до аварии, а не после неё...

Ребята провели на крыше несколько часов. Днём сюда поднимались и взрослые жители высотки. Визуально, на площадке станции, с точки зрения обывателя, ничего ужасного не происходило. Раскалённый воздух продолжал подниматься маревом над реактором. Завал, да завал. Дымит, да дымит. И успокоенные взрослые уходили с крыши. Собирались уйти и уставшие пацаны...

Но к сумеркам в перегретом реакторе загорелся графит. И когда равнодушное к человеческим бедам вечернее красное Солнце, скрылось за горизонтом, ребята увидели огромные языки малинового пламени и красивые синие отблески на вентиляционной трубе – в зёве убитого ядерного зверя сиял ионизированный воздух, облучаемый расплавленной двуокисью урана. Апокалипсическое зрелище мальчишек заморожит и испугает. Не только их. Завтра на эту звёздную сине-

ву посмотрит с вертолѐта Валерий Алексеевич Легасов. Маститый учёный оцепенеет от ужаса – сияния цепной реакции академик никогда не видел. Такого никто никогда не видел...

В начале первого Сашка Зарубин и Лёшка Куземко, стараясь не стучать подошвами кроссовок, осторожно крались по лестнице ночного подъезда. Очень хотелось пить. Медью кислило во рту. Приступы тошноты сводили спазмами пустые желудки – невидимые рентгены уже пробрались внутрь ребячьих тел, и ядерное возбуждение нервной системы сменилось глубокой усталостью.

Мальчишки вышли на проспект Ленина. Яркие дуговые лампы заливали бульвар ровным иссиня-белым светом. Прохожих в столь поздний час не было. Но по обе стороны бульвара то и дело пролетали машины – чёрные и белые «Волги», зелёные микроавтобусы, милицейские жёлто-синие «Жигули». На правой стороне проспекта застыла колонна пассажирских разноцветных «ЛАЗов». Конца-края не видно этой колонне – казалось, что тянется она до самого Чернобыля, а может быть и дальше. Целый город на таких автобусах можно вывести. На экскурсию, например.

Зелёный «РАФик», взвизгнув тормозами, резко остановился возле ребят. Моложавый человек в парадном синем мундире высунулся в открытое окно.

– Генерал-майор ВВС Антошкин! – как-то шутливо отрекомендовался генерал, лихо поднеся правую руку к фуражке. – Пацаны, к горкому партии правильно еду?

– Правильно! – устало подтвердил Сашка. – Доедете до Центральной площади и повернёте направо.

– И там, за гостиницей, будет горком, – вступил в разговор Лёха. – Товарищ генерал, а что у нас тут случилось такое?

– Хиросима тут у вас случилась, богомол японский! – гаркнул черноусый молодой водитель в новенькой зелёной форме старшего лейтенанта войск химзащиты. Он сердито ударил здоровенным кулаком по рулю. «РАФик» обиженно бибикнул.

– Лишнего не болтай! – шикнул на водителя генерал. Водила и ухом не повёл. Похлопал себя по карманам. Сердито засопел:

– Спички есть, шпингалеты?

Лёха насупился и молча покачал головой – грубоватое обращение старлея ему не понравилось.

Сашка секунду раздумывал, а потом нерешительно протянул шофёру коробок гомельдревовских спичек.

– Прикурить я и от реактора могу! – ехидно заявил усач. – Раз есть спички, значит, есть и табачок. Сигареты давай!

Санёк со вздохом извлек из кармана джинсов непечатую пачку сирийских сигарет «Afamia».

– Ух ты ж, бегемот африканский! – восторженно заорал водила.

Он быстро сорвал защитную плёнку с пачки, чиркнул спичкой о коробок, и с шумом пылесоса втянул в лёгкие лошадиную порцию ядовитого дыма. Немного подумал и от-

правил пачку сигарет в карман гимнастёрки.

– Именем войск химической защиты импортная отравка конфискуется! – нахально заявил старлей. – Спички, кстати тоже!

Он высунулся из кабины и внимательно посмотрел в лицо растерянному Саньке:

– Где это ты так загорел, пацан?

– Так, поехали уже! – прикрикнул на водителя потерявший терпение генерал.

«РАФ» стремительно сорвался с места, окутав мальчишек вонючим облаком советского этилированного бензина А-76. Санька сердито сплюнул и показал вслед машине кукиш.

Лёха было громко рассмеялся, но тут же согнулся пополам в приступе неукротимой рвоты. Сашка отвернулся. Его тоже мутило.

– Надышались мы на крыше всякой дрянью, – виновато сказал Лёха из-за спины. – Я домой пошёл...

Они обменялись вялым рукопожатием. Договорились созвониться утром.

Лёхе идти близко – достаточно свернуть с проспекта, пройти мимо прокуратуры к детскому саду «Золотой петушок» – и вот его 11-й дом. А Саньку ещё топать до 3-го микрорайона почти километр. Утром пробежал бы весь проспект рысью за 5 минут, а теперь ноги отяжелели, налились свинцом. Саднило горло, и жажда стала не терпимой. Выпить бы газировки. Кстати, это мысль – на углу проспекта

Ленина и улицы Курчатова уже работали расконсервированные с зимы автоматы газированной воды.

Сашка устало добрёл до Центральной площади и в удивлении остановился возле автоматов и жёлтой телефонной будки – напротив дворца культуры стояли два огромных вертолётта МИ-24. Все окна шестиэтажной гостиницы «Полесье» были ярко освещены. Вдали, возле здания администрации, шумно чихал двигателем серо-зелёный бэтээр.

Старый знакомый генерал Антошкин расхаживал между вертолёттами. Генерал придерживал рукой на левом плече некий громоздкий аппарат с длинным штырём. Сашка не сразу догадался, что это радиотелефон.

– Лётчики грузить песок не будут! – донёсся до Санька сердитый генеральский бас. – У меня своя работа, а у вас своя! Гражданских ищите мешки грузить! Кто горбатый? Вы что себе... Ах, мост Горбатый! Да на черта мне твой мост, я с крыши утром в бинокль посмотрю!

Автомат проглотил 3 копейки, издал устрашающий предсмертный хрип и с шумом наполнил гранёный стакан жёлтой газировкой, напрочь заглушая генеральский рык. Санёк быстрыми глотками пил холодную воду. Пузырьки углекислого газа приятно щипали язык, и металлический привкус меди во рту постепенно исчезал. Отступила и назойливая тошнота. Сашка уже раздумывал, не пропустить бы и второй стаканчик, как вдруг из-за угла раздались странные трески и щелчки. Санька в ужасе шархнул в сторону – на улицу

вышел мужчина в респираторе и защитном костюме цвета «хаки». В правой руке человек держал длинную палку, которой медленно водил по земле, не отрывая глаз от прибора со стрелкой. Не обращая внимания на подростка, вероятно даже не заметив его, человек свернул на проспект.

– Грязь, всюду грязь, – пробормотал дозиметрист. – На земле грязь, в воздухе грязь, везде грязь.

Его шаги постепенно стихли вдали...

Когда Санёк открыл дверь квартиры на восьмом этаже, замок предательски щёлкнул, с головой выдавая ночного визитёра. Пружины дивана устало скрипнули, и мама в ночном халате появилась на пороге гостиной.

– Санька, горе ты луковое! Где тебя носит?

– Я, мам, это... – забубнил Санёк, снимая кроссовки. – Я у Лешки Куземко был. В приставку играли на телеке. Не заметили, как ночь пришла.

Мама ласково взъерошила русые патлы Санька:

– Посмотри, какие грязные. Вымой волосы утром. Мне опять идти рано на смену. Ты есть будешь?

– Не-а! – вспомнив про недавние приступы тошноты, замотал головой Сашка. – Только чай. А что там у вас делается в медсанчасти?

Мама не ответила, молча прошла на кухню. Не включая свет, поставила чайник на электроплиту. Санёк протопал за ней, позабыв вымыть руки. Открыл дверцу холодильника. Потянулся за пачкой «Селянського масла».

– Да, куда же ты грязными руками! – не оборачиваясь к сыну, сердито сказала мама. – Иди в ванную, сполоснись хоть!

Сашка недовольно заворчал, но вернулся в прихожую. Нажал выключатель ванной комнаты. Лениво снял рубашку. Опасливо покосился на приоткрытую дверь. Щёлкнул дверным замочком и расстегнул ремень. Джинсы упали на пол. Пряжка звонко ударила по кафелю...

А вот такого быть не может. Такого просто не может быть! Загар через одежду не проходит. Тем более через плотные джинсы. А ноги были красные от щиколоток до бёдер.

Санька смотрелся в зеркало ванной комнаты, испуганно тараща глаза...

Пятью часами раньше жёлто-синяя машина ГАИ, мигая сиреной, свернула на улицу Дружбы Народов и резко затормозила у центрального входа медсанчасти. Пожилой полный гаишник с неожиданной резвостью бросился навстречу санитарам:

– Допоможить мені! Я тут хлопчиків підібрав на Семіходах! Що то їм зовсім погано...

– Да, сами мы дойдём! – хрипло выкрикнул Стасик, помогая выбраться с заднего сидения двум младшим товарищам.

Ребята качались, спотыкались, то и дело теряя равновесие. Они несколько часов провели на путепроводе. А потом проскочили на велосипедах по лесной бетонке к станции, как-то просочились сквозь милицейские кордоны по объезд-

ной дороге к пруду-охладителю и, скрываясь за деревьями, приблизились к разрушенному блоку на расстояние считанных сотен метров...

Патрульный едва не принял ребят за пьяных. Но подойдя поближе, сотрудник ГАИ обомлел: на лицах мальчишек бурым углем блестел на солнце ядерный загар...

Глава пятая

Датчик переносного радиометра РУП-1 медленно прополз по телу, долго «обнюхивал» щитовидку, а потом погрузился в пышную соломенную шевелюру. Бригадир дозиметристов Валентин Хрущ беспокойно смотрел на плавающую по шкале стрелку и сокрушённо качал головой.

– Валентин Тихонович, сколько? – негромко спросила пожилая черноволосая женщина в белом халате.

Дозиметрист молча поднес индикатор к её глазам:

– И это всё по бете, Ангелина Константиновна, – также негромко произнёс он, – по гамме на волосах 5 рентген. И это после дезактивации! Судя по загару, парень хватанул под 200 бэр. Правда, это только на голову...

Ангелина Константиновна Гуськова сжала ладонями виски, глубокие морщины прорезали лоб. Она с болью вглядывалась в коричневое лицо спящего Стася:

– Ты знаешь, Валентин, я ведь почти 40 лет в радиологии. Уж всякого в 6-й клинике насмотрелась. А вот облучённых детей не видела никогда... Какие препараты вводили ребятам?

– Две капельницы физраствора влили, 5 кубиков пентацина внутривенно, а сразу при поступлении 5 кубиков диазепама внутримышечно, – привычно затараторила Людмила Ивановна Прилепская, терапевт припятской медсанчасти.

– Диазепам-то зачем? – удивился бородатый доктор.

Людмила Ивановна как-то грустно улыбнулась:

– Да, понимаете, Георгий Дмитриевич, ядерное возбуждение у них было. Мальчишки при поступлении буянили – раздеваться не будем, мыть себя не дадим. Мужики в палате орали матом и на них, и на нас. Намаялись мы с ними. Дети есть дети. Вот я и решила ввести диазепам. Вмиг утихомирились и заснули, как котятки.

Бородатый доктор задумчиво скрестил руки на груди:

– Вот вы мне другое объясните, коллеги: на лицах у ребят сильнейшая эритема, а тела едва покраснели, и, что удивительно, лейкоциты в норме. То есть облучению подверглись только головы. Это как?

Стасик вдруг шевельнулся, закашлялся, не открывая глаз, поводит рукою по простыне.

– А там заборчик был железобетонный, – хриплым голосом сообщил парнишка, – мы за ним укрылись. Я подумал, если вправду радиация, железобетон защитит. И мы только головы высунули и смотрели...

Ангелина Константиновна облегчённо рассмеялась: потеплело на душе у старой докторши – раз парнишка в себе, значит очухается.

– Ну, конечно, глупой голове радиация нипочём! А вот что со щитовидкой прикажете делать, молодой человек?!

Услышав женский голос, Стасик вздрогнул, широко раскрыл глаза и тут же облегчённо вздохнул, увидев, что краешек простыни, хоть и проходит ниже ватерлинии пупка, но всё же надёжно прикрывает прочие части тела. Стась покрутил головой по сторонам. На соседних койках безмятежно сопели носами Богдан и Ромка. Другие кровати огромной, в четыре окна палаты пустовали: ночью особо пострадавших работников станции, вместе с переоблучёнными пожарными отправили самолётом в Москву. Тех, которые были способны передвигаться самостоятельно, повезли на трёх «Икарусах» в Киев.

Отправку ребят Гуськова задержала умышленно – в дороге мальчишки неизбежно нахватались бы дополнительных рентгенов от взрослых людей, пораженных лучевой болезнью 3-й и 4-й степени тяжести. Да и не хотелось заведующей 6-й клиники Москвы, чтобы дети видели почерневших от ядерного загара мужиков, страдавших от непрерывной рвоты и диареи. Только в книгах лучевая болезнь овееяна неким ореолом романтики. В реальности всё дико и страшно.

Под утро в медсанчасть прибежали перепуганные мамы ребят. Принесли чистую одежду и простыни – больничное бельё оставалось радиоактивным, даже после многократной стирки. Несмотря на сопротивление врачей, мамочки ворвались в палату, в ажитации трясли спящих сыновей, голоси-

ли, ругались, проклинали всех на свете... Сцена была тяжёлой. Предвидя это, опытная Прилепская, сберегла ребячьи нервы, заранее погрузив мальчишек в медикаментозный сон. Потом капала валерьянку себе и мамам. Потом требовала с них согласия на госпитализацию в Москву, вновь и вновь повторяя, что ребята нетяжёлые, что гарантируется полное выздоровление, но лечить щитовидки нужно срочно, чтобы не пришлось глотать всю жизнь левотироксин. Мамки про Москву и слышать не хотели, требовали вылечить детей здесь, сейчас, и притом немедленно. Тогда к разговору подключилась доктор Гуськова, предложив доставить ребят в сопровождении мам, в киевскую клинику института радиологии.

Такой вариант устроил всех, и мамки, немного успокоившись, ушли домой собирать вещи.

Как ни хотелось Ангелине Константиновне следить за выздоровлением ребят лично, но она осознавала, что детским глазам не следует видеть ужаса, который развернется в 6-й клинике Москвы в ближайшие дни, когда десятки переоблужённых людей начнут мучительно уходить из жизни...

Доктор Гуськова присела на стул возле кровати Стасика, взъерошила рукой его густые, радиоактивные патлы. К радиации ей не привыкать.

– Послушай меня, дружок, – доверительно сказала она. – Ты уже взрослый, и можешь спокойно понять и принять то, что может напугать твоих младших друзей. Сейчас, после

первой бурной реакции организма на облучение, у тебя наступил период мнимого благополучия. Ты чувствуешь себя хорошо, лишь немного хрипят голосовые связки. Но так будет не всегда. Щитовидка уже натянула рентгены, и через несколько дней у тебя разовьется острая лучевая болезнь I степени тяжести. Третья неделя болезни будет самой тяжёлой. Это крайне неприятно, но совсем не смертельно! Замечательно, что в нужное время и в нужном месте оказался железобетонный забор! Поэтому, надеюсь, у тебя не поражён костный мозг. Конечно, будет длительная диарея. Кожа на лице облезет, но регенерирует самостоятельно. Волосы выпадут, но к осени вырастут новые. Щитовидку вылечим. В августе будешь полностью здоров!

– В августе?! – завопил потрясённый Стасик. – Три месяца?!

– Вот видишь, и голос прорезался! – улыбнулась пожилая докторша. – Да, три месяца. Может раньше. Мы знаем, как воздействует радиация на взрослый организм, но понятия не имеем, как поведёт себя детский.

– Ну, я-то не ребёнок! – насупился Стась.

– Я имела в виду младших, – деликатно сказала доктор Гуськова.

– То есть нас? – подал голос проснувшийся Богдан. – Теперь мы проболеем всё лето?

– Это Стасик во всём виноват, дебил детсадовский! – фальцетом выкрикнул Ромка.

– Так, щас, на фиг, обоих закопаю! – грозно рявкнул мгновенно вскипевший Стась.

Он было рванулся с койки к младшим ребятам, но тут же в ужасе попятился и юркнул под простыню – из одежды на нём был только загар, да и тот на лице.

– Зазырь, какая у него рожа стала! – радостно крикнул Богдан Ромке. – Аж через загар покраснел!

– Классно получилось! – весело подтвердил Роман.

Мальчишки зашлись в приступе кашля и смеха. Стасик камнем застыл под простыней, желая провалиться сквозь землю.

– Мне почему-то кажется, что процесс выздоровления не затянется! – бодро сказала доктор Гуськова. – Пойдёмте, товарищи! Надо найти машину почище и, не мешкая, отправить ребят в Киев. Станислав, а вот когда ты, сейчас, э-э, так резко вскочил, голова не закружилась?

– Нет! – сконфуженно буркнул Стась.

Едва за докторами закрылась дверь, как из палаты донеслись звуки потасовки, треск рвущихся простыней и мстительный смех Стасика.

– Дети, в любых ситуациях дети, – покачала головой Прилепская.

– Вот именно поэтому я уверен в счастливом исходе! – заявил доктор Селидовкин. – Попробуйте так попрыгать после капельниц и диазепама! А эти скачут, как кенгуру!

– Согласна с вами, – улыбнулась Гуськова. – Видели, как

вчера вели себя сильные взрослые мужики? Почти у всех была паническая атака! Мальчишки же немного поистерили и восприняли ситуацию как данность. И пугает их вовсе не лучевая болезнь, а пропавшее лето. Людмила Ивановна, попробуйте еще раз отмыть эти патлатые головы. Не поможет – стригите безжалостно! Лишние бэры им теперь ни к чему.

– Пострижём, Ангелина Константиновна, пострижём, – Прилепская задумчиво смотрела через открытое нараспашку окно на тонкие силуэты двоих мальчишек, бежавших галопом по улице Дружбы Народов в сторону речного вокзала. – Ещё два кандидата на острую лучевую бегут! И куда их только черти несут? Объявили же по радио, чтобы все по домам сидели!

– Когда начнётся эвакуация населения? – поинтересовался Селидовкин.

– В 14 часов, Георгий Дмитриевич. К вечеру всех должны вывести.

– Да что же они так долго резину тянут! – возмутился доктор, нервно теребя себя за бороду. – Щитовидки будутфонить у всех! Ох, ещё аукнется нам эта авария...

Бригадир дозиметристов провёл датчиком «РУПа» по подоконнику. Посмотрел на стрелку и с треском захлопнул окно.

– Окна надо закрывать, товарищи дорогие! – сердито крикнул Валентин Тихонович. – 100 миллирентген на подоконнике! И мыть полы, мыть палаты каждый час!

– Да вот без вас не догадались! – взорвалась Прилепская. – Санитары моют полы непрерывно, да толку чуть!

– Коллеги, прошу вас, – примирительно заговорила доктор Гуськова, – все устали, у всех нервы, вполне понятно. Но работы впереди много. Мы приглашены во Дворец культуры на встречу членов Правительственной комиссии с партактивом предприятий. От нас ждут подробных инструкций о том, как грамотно вести себя населению при эвакуации города. Скажу вам по секрету: вероятно, партией будет принято решение вслед за Припятью эвакуировать Чернобыль и все населенные пункты в радиусе 30 километров от станции. Навсегда. Всё очень-очень плохо...

Прилепская побледнела и схватилась за сердце.

– Господи, помоги нам! – еле слышно прошептала она...

...Лёха бросил беспокойный взгляд на 4-этажный корпус медсанчасти с большим лозунгом на крыше «Здоров'я народу – багатство країни»

– Тебя мамка не увидит в окно? – тревожно спросил он у Сашки.

– Не-а, она в другом корпусе работает, – беспечно помотал патлами Санёк, – оттуда не видно.

Ребята, не сговариваясь, перешли с галопа на шаг – бежать было как-то непривычно тяжёло – кровь стучала в висках, у обоих побаливало темечко, хотя в целом самочувствие было неплохое. Мальчишки не знали, что у них резко подскочило давление – ещё один симптом радиации.

До самого утра Сашка спокойно спал, приступы тошноты больше не возвращались, да и загадочным образом загоревшие под джинсами ноги тоже никак не беспокоили, лишь немного побаливали икры от вчерашней беготни. Иммунная система Санька, яростно атаковав проникшие в кожу нуклиды мощным приливом крови, к утру успокоилась, прекратила сопротивление, словно бы осознав бесполезность борьбы с опасным и сильным противником. Организм радиации сдаётся быстро, взамен

получая мирную передышку на несколько дней...

Утром Сашку оглушительным трезвоном разбудил телефон. Звонил неугомонный Лёха Куземко. Ему в голову пришла неплохая, в общем-то, идея – прокатиться на «ракете» в Киев к старшему брату, а в понедельник вернуться в Припять, если школа начнёт работу. Если не начнёт... ну, тем лучше! Да пусть хоть провалится в тартарары эта школа!

Сашка оценил идею на «пять с плюсом». Правда, путешествие на «ракете» – удовольствие не из дешёвых: в обе стороны десятку на рыло вынь да положь. Придётся позаимствовать деньги из семейного бюджета. Ясен пень, голову мамка оторвёт! Ну, так это когда будет?! Воскресное четырёхчасовое плавание по реке и Киевскому водохранилищу того стоит!

Недолго думая, Санька оставил записку маме, положил в любимую кожаную сумку нехитрый провиант из холодильника и ровно в 8 часов захлопнул за собой дверь квартиры.

Именно в эти мгновения городской узел связи прервёт трансляцию из Москвы. Тревожный женский голос из радиоточки сообщит пустой квартире о назначенной на 14 часов эвакуации жителей города Припяти...

Глава шестая

Зелёный «РАФ – 2203» выехал на Центральную площадь и сбросил газ. Водитель микроавтобуса старший лейтенант Климчук несколько секунд раздумывал, поворачивать ли на проспект, а потом решительно утопил педаль газа и «РАФик», набирая скорость, понёсся по улице Курчатова в сторону 16-этажной высотки с гербом СССР.

– Да куда тебя несёт, чёрт усатый! – возмущённо загудела низким грудным голосом полная медсестра. – Дороги не знаешь?!

– Нам по чернобыльской трассе ехать ни к чему, – авторитетно заявил старлей, – лишних бэров наберёмся возле реактора. Поедем по объездной в Иванков, оттуда сразу на Киев. Вы лучше окошко поднимите, а то наглотаются пацаны радиоактивной пыли. Что-то они у вас совсем сомлели.

Екатерина оглядела дремлющих Стасика, Богдана и Ромку. С нежностью погладила сына по некогда пышным, а теперь под полубокс остриженным волосам.

– Да это я им реланиум дала: пусть подремлют в дороге, – вновь заговорила медсестра. – Уж очень беспокойные вечером были... Он у меня бедовый, Стаська-то. В прошлом году на льду упал, руку сломал. Другие падают и ничего. А этот

руку сломал. Правую. Кому горе, а ему в радость – уроки делать не надо. Вот. А вчера и вообще что придумал – с соседскими ребяташками проник через оцепление к станции и почти вплотную к реактору подошёл! Хорошо милиция их там поймала, а то уж не знаю, что бы и было... Вчера мужа в Киев отправила, сегодня сына везу...

Екатерина промокнула платком глаза, сдерживая слёзы.

– Прямо к реактору?! – изумлённо ахнул Володя. – Так там же у завала сотни рентген! Как же пацанов туда-то подпустили?

– А вот не знаешь, как ребятня умеет сквозь игольное ушко пролазить? – вздохнула медсестра. – Своих-то, небось, деток нет ещё?

«РАФ» вылетел на Заводскую улицу и свернул на объездную. Володя до предела утопил педаль газа. Стрелка спидометра поползла к сотне.

– Время – бэры! – продолжил разговор Климчук. – Надо было респираторы захватить. Да как же нету-то?! Жена у меня в Минске и сын Алежка. Полтора годика уже. Я сам, как химико-технологический закончил, на сверхсрочную пошёл. Прописку столичную получил и квартиру однокомнатную. А вчера нас, значит, подняли по тревоге – и сюда всю дивизию, японский керосин! Теперь, вот меряю рентгены с радами!

Володя сердито хлопнул правой рукой по лежавшей на соседнем кресле свинцовой коробке радиометра. «РАФик» тут же подпрыгнул на ухабе. Климчук одумался и схватился за

баранку обеими руками. Стасик щёлкнул зубами во сне. Богдан и Ромка стукнулись бритыми головами, но не проснулись.

– Да тише ты езжай, бульбаш усатый! – недовольно загнудела Екатерина.

– Не картошку, чай, везешь!

Старлей обиженно крутанул рукой чёрные роскошные усы:

– Чем быстрее покинем зону поражения, тем лучше! Красивые у вас тут места! Лесостепь, сосны, озёра, реки! А рыбалка, небось, какая была!.. Поверить не могу, что 20 тысяч лет сюда человеку путь заказан!

Климчук увидел в зеркало, как полная Екатерина смертельно побледнела, охнула и схватилась за сердце. Он мысленно отругал себя за несдержанный язык.

– Период полураспада урана и плутония 24 тысячи лет, – виновато сказал Володя. – В далёком будущем наши потомки откопают Припять, как Помпеи.

Не говоря ни слова, медсестра потянулась к аптечке. В салоне неприятно запахло валерьянкой.

Зелёный «РАФик» мягко притормозил на развилке трёх дорог. Климчук развернулся на водительском кресле. Сочувственно посмотрел на полную светловолосую Екатерину. Перевёл взгляд на сопящих во сне мальчишек. Протянул руку к аптечке.

– Накапай-ка и мне чуток, – тяжело переведя дыхание,

попросил старлей...

... «Ракета» пронзительно завывала сиреной, лихо развернувшись на «тарелке» Яновского затона. Местные жители называли озеро «стариком» – в незапамятные времена здесь проходило старое русло древней как Киевская Русь реки Припять. Наверное, при князе Владимире здесь были непроходимые, густые леса, по которым бродили дикие свирепые вепри; на болотах и топях водились непуганые человеком утки и цапли, а в многочисленных реках Полесья, притоках великого Днепра, били хвостами по воде огромные сомы и щуки, которых некому было ловить.

А потом русло Припяти сместилось на север, и некогда полноводная старица превратилась в узкую, заросшую камышом протоку. В 70-е годы XX века, вскоре после основания посёлка Припять, землесосные снаряды соединили протоку с рекой, и коричневые воды древней Припяти щедро наполнили искусственно углублённый затон. Будущий город получил в свои владения великолепный песчаный пляж, порт и речной вокзал. В порту три огромных крана разгружали баржи со стройматериалами для атомной станции, к дебаркадеру то и дело причаливали теплоходы и суда на подводных крыльях, в «тарелке» затона летом плескались многочисленные купальщики, и безлюдная прежде окраина посёлка быстро превратилась в любимое место отдыха обитателей стремительно растущего атомограда.

В 80-е возле речного вокзала построили кафе «Припять»,

где продавалось превкусное, лучшее в мире мягкое мороженое. Рядом с кафе поставили три автомата газированной воды и типичную для всех советских городов жёлтую бочку с квасом. Квас был настоящим: из хлеба, дрожжей и сахара, стоил 3 копейки за стакан, был холодным даже в жару, поэтому газировка из автоматов особой популярностью не пользовалась. У крана вечной бочки с квасом сидела вечная презлющая бабка. Годы шли, а бабка и бочка были времени не подвластны. Каждое лето бабка исправно принимала медяки и, ругаясь на чём свет стоит, размахивала руками, отгоняя нахальных ос и не менее нахальных мальчишек, лезущих без очереди к стойке с бидончиками и кувшинами. Мальчишек бабка недолюбливала, ос боялась, а квас и вовсе ненавидела за дешевизну, поскольку в прежние годы прибыльно торговала разбавленным водой невкусным бочковым пивом. Но с пивом, при Михаиле Сергеевиче, начались проблемы...

Сегодня же, несмотря на воскресный день, никакой бабки не было, и пустая бочка, запертая на замок, в одиночестве дремала под жаркими лучами весеннего солнца. Зато автоматы с газировкой работали. И, какое диво, в мойке каждого стояло по стакану! Такое бывает редко: как правило, стаканы бесследно исчезали каждую ночь – местные любители сочетать рыбалку с алкоголем были людьми культурными и не могли себе позволить пить портвейн из горлышка бутылки.

Лёха слегка прижал перевёрнутый стаканчик, и мойка послушно обдала гранёное стекло фонтанчиком воды.

– Тебе с каким сиропом? – Лёха не без иронии посмотрел на Санька. – С лимонным, грушевым или апельсиновым?

Это была местная шутка. Советские автоматы имели три кнопки под различный сироп, но, как правило, выбор был ограничен лишь двумя вариантами – с сиропом за 3 копейки, или без сиропа за одну. Иногда сироп заканчивался раньше воды, и тогда бестолковый автомат нахально лил в стакан чистую газировку, а государство богатело на 2 копейки.

– Мне «с каким есть», – Сашка нетерпеливо покатал кроссовкой камушек. – Давай быстрее пей – «Ракета» уйдёт.

– Так ведь эта «Ракета» из Мозыря пришла, – без особого энтузиазма сообщил Лёха, – они же вечно битком. Давай подождём наш «Метеор» и займём лучшие места в первом салоне!

Сашка идею одобрил, и, выпив по стакану газировки, ребята побежали в кассу речного вокзала.

– Два билета на «Ракету» до Киева! – гаркнул Санёк в окошко кассы.

– Чего ты орёшь с утра пораньше?! – мрачно поинтересовалась полная кассирша, которую хотелось назвать «тёткой». – Девять девяносто.

Сашка протянул кассирше красную купюру, проводив её печальным взглядом – советская «десятка» это, знаете ли, деньги!

Он помахал перед носом Лёхи синими билетами:

– С тебя 4 рубля 95 копеек!

– С какой такой стати! – возмущенно рывкнул Лёшка. –

Четыре сорок пять!

– Лёх, ты дурак?! – невежливо поинтересовался Сашка.

– Считать научись, баран! – упорствовал Лёха. – Два билета стоят девять девяносто. 90 копеек пополам это 45. Плюс ещё 4 рубля. Значит четыре сорок пять.

– Дак ты к этим 45 копейкам ещё четыре рубля с полтинником добавь, математик! – заорал Сашка на весь вокзал.

– Спекулянт!

– Двоечник!

Обмениваясь тумаками, ребята вышли на улицу. Продолжая яростно спорить, спустились по длинной, в четыре пролёта лестнице на пристань.

Битком набитая людьми «Ракета» отчалила от дебаркадера, протяжно загудела сиреной и, быстро набирая скорость, перешла в крылатый режим.

Мощные волны закачали синий дебаркадер, и через несколько минут наступила тишина. На причале не было ни души. Пустовала и набережная, и пляж на другой стороне «тарелки». Чистейший припятский песок ослепительно сиял белизной на солнце. Начинало припекать.

Сашка вытер рукавом рубашки пот со лба и вновь пустился объяснять другу-второгоднику несложную арифметику.

– Да понял я уже! – досадливо сдался Лёха. – В Киеве деньги отдам!

Сашка поднял руку:

– Тихо!

Порыв ветра донёс до ребят тревожный женский голос: «... складывается неблагоприятная радиационная обстановка. Партийными и советскими органами, воинскими частями принимаются необходимые меры. Однако, с целью обеспечения полной безопасности людей, и, в первую очередь, детей, возникает необходимость провести...»

Огромный вертолёт поднялся над деревьями и, напрочь заглушая шумом винта все прочие звуки, низко пролетел над «тарелкой» затона. Крылатая машина пошла на посадку на песчаное плато, поднимая вокруг себя целые вихри радиоактивного песка.

Ребята всматривались в маленькие фигурки людей, суетившихся с лопатами возле севшего вертолёта. Люди стали сгребать песок в некое подобие больших мешков. Командовал процессом человек в синем мундире. Неугомонный генерал Антошкин выполнял задание Правительственной комиссии, с подачи академика Легасова решившей забросать сотнями тонн речного песка жерло горящего реактора.

Глупая и вредная затея! В результате этих действий сильно возрастет активность воздуха. Все экипажи Антошкина, вместе с переоблучённым генералом, окажутся в 6-й клинике Москвы. Тонны радионуклидов загрязнят местность вокруг площадки станции, посыпятся на Припять и достигнут Чернобыля. Но академик выбирал между плохим и худшим: если грядущие майские ливни обрушат потоки воды на

открытый раскалённый реактор, последствия будет трудно предугадать! Легасов не знал, что ядерного топлива в реакторе почти нет. Как нет там и цепной реакции. Нужно было просто позволить графиту спокойно догореть и начинать работы по дезактивации и захоронению 4-го энергоблока. Возможно, именно эта трагическая ошибка подтолкнёт маститого учёного к самоубийству. Он уйдёт из жизни в Москве два года спустя, во вторую годовщину катастрофы...

– Что это они делают? – Сашка недоумённо щурил глаза.

– Готов поспорить, реактор будут засыпать песком с вертолётов, – догадался сообразительный Лёха, – пожар песком тушить хорошо! Погнали на лодочную станцию, позырим, как это будет!

И ребята пойдут. А от лодочной станции Яновского «старика» до площадки АЭС менее двух километров. И гамма-лучи, хоть и очень ослабленные расстоянием, будут напрямую обстреливать глупых мальчишек...

... Санёк уютно расположился на горячей от солнечных лучей перевёрнутой дюралевой лодке. Не без труда стащил синие румынские «Томисы» – ещё осенью кроссовки были в самый раз, а теперь уже жмут. Закатал до колен джинсы и босыми ногами прошёлся по мелководу.

– Холодовата ещё водичка, – поморщился Сашка, – особо не покупаешься.

– Надо было на Семиходский Старик идти, – равнодушно констатировал закалённый Лёха, – там вода теплее.

Сашкин друг уже успел отойти от берега на несколько метров и погрузиться в воду по грудь. Впрочем, он тут же зябко передёрнул плечами и быстро побрёл назад по илистому дну затона.

– Только труселя зря намочил! – сердито сказал Лёха, выбираясь на берег.

– Апрель не июнь!

Он подхватил свои джинсы и спрятался за лежащем на боку большим четырехвёсельным яликом. Снаружи была видна только патлатая голова.

– Девчонки идут! – дурным голосом заорал Сашка.

Лёха и ухом не повёл: ребячьи пляжные шуточки он знал наизусть. Санёк разочарованно отвернулся.

– Чего это у тебя копыта сзади красные? – удивлённо крикнул Лёшка. – Как будто на солнце обгорел!

Он вылез из лодки, застегивая джинсы, и бросил мокрые трусы на траву.

– Когда я мог загореть? – огрызнулся Сашка. – Вчера ночью на крыше?

Лёха подошёл поближе. Наклонился над дюралевой лодкой. Осторожно провёл мизинцем по металлу. Показал Саньку испачканный сухой серой пылью палец:

– Понял? Вчера на крыше такая же странная пыль была! И ты сидел на бордюре. Вот и сейчас сидишь...

– Ну-у? – непонимающе тянул Санёк.

– Баранки гну! Может это и есть радиация?

Сашка несколько секунд ошарашенно смотрел на старшего друга. Потом нервно рассмеялся:

– Да какая радиация, Лёх? Радиация это лучи. А пыль это пыль...

– А, может, лучи с пылью смешались? – неуверенно предположил Лёшка.

– Лёх, ты дурак? – в десятый раз за день поинтересовался Санёк, и немедленно получил подзатыльник.

Сашка не обиделся. Как мог, очистил брюки ладонями. Вымыл руки радиоактивной водой затона. И удовлетворился результатом – визуально джинсы были чистыми...

Глава седьмая

Вертолёт МИ-24 низко пролетел над озером, поднимая волну. Грохот стоял невообразимый. Сидевший рядом с пилотом генерал Антошкин сердито погрозил ребятам кулаком и выразительно покрутил пальцем у виска. Вертолёт направился в сторону АЭС, и шум винта быстро стих вдали.

Ребята непонимающе переглянулись.

– Чего это генерал разбушевался? – недоумённо спросил вмиг присмиривший Лёха.

– А я что, знаю? – Сашка старательно причёсывал пятернёй растрёпанную ветром гриву. – Говорит, что мы – дураки!

Лёха задумчиво смотрел вслед вертолёту, который уже кружил над атомной станцией:

– Я вот думаю: когда начнут сбрасывать песок в реактор с высоты, то ведь всякая гадость поднимется в воздух, так?

А если ветер принесет её в город? А если эта гадость – радиоактивная? Пойдём отсюда, а? Если кафе открылось – купим мороженное и махнём на Семиходский Старик. «Метеор» только в час отплывает, да и трусы мне, по-любому, высушить надо.

Сашка рассмеялся и согласно кивнул головой...

Надо сказать, что Лёша Куземко – хоть и двоечник, но парень совсем неглупый. Он правильно понял, что представляет собой серая пыль на лодках. Догадался и о последствиях сброса мешков с песком в нутро реактора. Если бы мальчишке ещё хватило ума понять, что из города нужно выбираться как можно быстрее. Если бы...

Кстати, именно в эти минуты академик Легасов предотвратит немалую беду. Узнав, что вертолёты Антошкина уже вылетели на станцию, Валерий Алексеевич свяжется с генералом по радиации и категорически запретит сбрасывать песок до окончания эвакуации города...

– Где народ-то? – Сашка удивлённо таращил глаза, оглядывая с обзорной площадки возле кафе пристань и набережную.

Речной вокзал, ещё утром исправно работавший, был закрыт. Не открылось и кафе «Припять». Вокруг – ни души.

Недоумённо пожимая плечами, Санёк подошел к Лёхе, который бросал «трёшки» в автомат, набирая газировку в большую флягу. Автомат довольно хрипел, попеременно наполняя фляжку то водой, то сиропом.

– Где народ-то? – повторил Сашка.

– Да вон народ! – Лёха махнул рукой в сторону улицы Курчатова. – Люди ходят, машины ездят! А что кафе закрыто – так, может, учёт! Погнали на озеро быстрее, что-то у меня на этой жаре опять башка разболелась!

И они пошли через пустой пляж и цветущий луг на озеро Семиходский Старик, удаляясь от города и атомной станции. Где-то глубоко в подсознании Санька промелькнула мысль о необычной тишине на лугу: пчёлы, шмели и прочая жужжащая и звенящая живность девалась неизвестно куда...

В это время, встревоженная Санькина мама, узнав о предстоящей эвакуации города, прибежала домой и, прочитав записку, облегченно вздохнула, думая, что сын уже в Киеве. Она позвонила Лёшиной маме, и женщины, слегка поругав сыновей за самодеятельность, пришли к выводу, что «не бывает худа без добра»; обменялись адресами киевских родственников, рассчитывая увидеть сыновей ближайшим вечером. Такое вот вышло недоразумение. В те давние годы мобильный телефон, по которому можно позвонить из леса домой, был сказкой из далёкого будущего...

...Время хулиганистые ребята провели неплохо – сначала потопили лодки на лодочной станции, потом с визгом носились по мелководью, поднимая фонтаны холодных брызг; потом перекусили бутербродами с вареной колбасой, которые запили нагретой на солнце сладкой водой из алюминиевой фляжки. А потом, умаявшись, растянулись на белом

речном песке и быстро задремали, убаюканные шелестом камыша и свежим приозёрным бризом Семиходского Старика...

– Сашка! Просыпайся! – юный девичий голос серебряным колокольчиком тихо прозвенел в ушах Санька. – Просыпайся! Здесь нельзя оставаться!

Сашок лениво открыл глаза и тут же вскочил на ноги. Тяжёлая, словно свинцом налитая голова немедленно закружилась, в глазах потемнело, и Сашка ухватился за дерево, удивлённо таращась на девушку в белой вышитой цветками кошуле и красной длинной юбке. Девушка грустно улыбнулась и поправила на голове синий, сплетённый из барвинков веночек.

– Здесь нельзя оставаться! – тихо повторила девушка. – Буди своего друга, и уезжайте!

Ничего не понимающий сонный Сашка спрятался за деревом и, краснея, торопливо натягивал джинсы.

– Ты... ты кто? – прокашлявшись, глухо спросил он.

– Я – Припять, Сашка! – русалочий голос девушки задрожал. – В городе почти никого не осталось. Все уехали. Навсегда. Уезжайте и вы. Идите на пристань и уезжайте! Скорее!

Санёк застегнул на все пуговицы рубашку и глупо рассмеялся:

– Как уехали? Куда уехали? Какая Припять? Зовут тебя как?

Девушка начинала терять терпение. Досадливо сморщила

мгновение назад казавшееся юным красивое лицо. Бездонные васильковые глаза её вдруг погасли, потускнели, глубокие морщины прорезали впалые щеки и лоб, цветки венка пожухли и стали осыпаться.

– Убирайтесь отсюда немедленно! – зашамкал сиплый старушечий голос.

– Убирайтесь, глупые дети! Или останетесь со мной навсегда!

Страшная, одетая в рубище седая старуха невидящими глазами уставилась на Сашку, с трудом подняла дрожащую руку и погрозила длинным костлявым указательным пальцем.

Санёк заорал, попятился и споткнулся о безмятежно спящего на песке Лёху.

Тот немедленно проснулся, испуганно ойкнул, и оторопело уставился на Сашку:

– Чего ты орёшь, как ненормальный? Змея укусила?

– Девушка тут была! Бабка жуткая! – Санёк панически вопил, дрожащими руками натягивая на ноги кроссовки. – Сказала, уехали все! И чтобы мы убирались!

Лёха несколько секунд обалдело смотрел на перепуганного друга. Потом внимательно огляделся по сторонам и неуверенно рассмеялся:

– По-моему тебе голову напекло! Умойся холодной водичкой!

Сашка, наконец, справился с кроссовками, подхватил ко-

жаную сумку и, ни слова не говоря, опрометью бросился в сторону города. Лёха, секунду подумав, побежав вслед за другом, надевая на ходу рубашку – беспокойство Сашки передалось и ему.

Старательно обогнув старое и страшное Семиходское кладбище, ребята выскочили на проспект Строителей.

– Да скажи ты толком, что произошло? – тяжело дыша, проговорил Лёха.

Санёк остановился, как вкопанный, молча разглядывая абсолютно пустой проспект. Вдали колонна автобусов медленно поворачивала на улицу Героев Сталинграда – Припять покидали последние обитатели недостроенного пятого микрорайона.

Сашка посмотрел на часы. «16.01. 27.04.1986» – равнодушно мерцали цифрами жидкие кристаллы.

– Помнишь, тётяшка в рупор кричала: «...складывается неблагоприятная радиационная обстановка»? – как-то отрешённо спросил Лёха. – Это, ведь, было сообщение...

Лёха недоговорил – красная «пятёрка», резко взвизгнув тормозами, остановилась возле ребят. Мальчишки испуганно подпрыгнули.

Пожилой, почти лысый мужчина, сидевший за рулём, удивлённо смотрел на пацанов.

– Ой, здравствуйте, Николай Григорьевич, – вдруг сказал Сашка.

Инженер стройконторы ЧАЭС Николай Григорьевич

Лельченко наконец обрёл дар речи:

– Здорово, Сашок! Вы шо здесь делаете? Весь город эвакуировали автобусами, а они тут гуляют, черти лохматые!

Ребята растерянно молчали.

Лельченко в раздумье почесал пятернёй мокрую от пота лысину:

– Так, вот что, хлопцы – сидайте скоренько в машину. Отвезу вас на завод «Юпитер» – там ещё не все уехали. Может, прихватит вас кто до Киева.

– У нас есть билеты на «Ракету» – вдруг вспомнил Лёха.

– Да они ходят-то ещё, те ракеты? – недоверчиво спросил Лельченко. – Ну, сидайте, подвезу вас до пристани.

Сашка и Лёха, толкая друг друга, полезли на заднее сиденье красных «Жигулей». Николай Григорьевич утопил педаль газа, и «пятёрка», взревев двигателем, понеслась по проспекту. Лельченко, не снижая скорости, едва вписался в поворот на Семиходскую улицу.

Город был пуст. Такое увидишь разве что ранним утром 1 января. Только теперь, вместо снега, на Припять сыпался невидимый радиоактивный пепел, угрожая скорой мучительной смертью всему живому, а уровень активности воздуха на окраине уже превысил 1 рентген в час.

Вдалеке протяжно завывала сирена. Ребята радостно подпрыгнули на сиденье – прибывший из Киева «Метеор» «Шторм» разворачивался на тарелке Яновского затона.

Несмотря на высокий уровень радиации, суда на подвод-

ных крыльях будут ходить из Припяти в Киев вплоть до 3 мая. Команды скоростных теплоходов, пренебрегая опасностью, будут самоотверженно вывозить из зоны отчуждения пострадавших жителей Полесья, и многие члены экипажей заболеют впоследствии лучевой болезнью...

Лельченко остановил машину на улице Набережной, прямо возле речного вокзала.

– О, смотрите, хлопцы, – не одни вы вовремя не уехали! – загрохотал густым басом Николай Григорьевич, перемешивая русский язык с украинским. – Ще чоловік п’ятдесят дурнів від стада відбилися! Ну, прощайте, хлопчєня! Хай вам щастить!

– А вы, что же, одни в городе останетесь? – удивлённо спросил Сашка.

Лельченко грустно улыбнулся:

– Да нет, тут таких как я, тысяч п’ять ще! Кому работать, кому магазины закрывать, выручку сдавать. Готель работает, столовая. Да, мало ли...

Когда Сашка полез в сумку за билетами, девушка-матрос устало отмахнулась:

– Кому они теперь нужны, билеты эти! Занимайте места, какие есть!

Ребята кое-как протиснулись в битком набитый салон. С грехом пополам нашли одно место у окна. Еле втиснулись вдвоём на сиденье по правую сторону салона. Пахло потом, чесноком, носками и бог знает чем ещё. Вечернее горячее

солнце слепило глаза.

– Я думаю, в Чернобыле многие сойдут! – прошептал Лёха. – Тогда поедем с комфортом.

«Метеор», словно бы прощаясь с городом, загудел сиреной и медленно отчалил от дебаркадера.

Сашка оглянулся через плечо. На опустевшей смотровой площадке возле кафе стояла девушка в украинской вышиванке и махала вслед теплоходу то ли косынкой, то ли платком. Совсем юная девчушка, лет шестнадцати.

– Вот! Вот она – Припять! – сиплым голосом выкрикнул Санёк, тщетно сглатывая непонятный комок в горле. – Живая! Живая Припять!

Лёха прислонился носом к стёклу, потом недоумённо посмотрел Саньку в лицо и выразительно захлопал ресницами:

– Тебе точно голову напекло! Ты меня пугаешь...

Сидевший напротив седобородый дед с огромным саквожем на коленях задумчиво глядел на мальчишек. Старческие тусклые глаза заволокло слезами. Он промокнул их рукавом потёртого, выдавшего виды пиджака.

– Живая Припять! – негромко забормотал дед. – Кто знает, ребятки, может быть вы когда-нибудь вернётесь сюда. Кто знает...

– Да что вы, папаша, слезу пустили?! – подключился к разговору молодой парень в кепке. – Все мы вернёмся через три дня! Так по радио сказали.

Дед упрямо затряс седой бородой, сердито ударил дрях-

лой рукой по стеклу:

– В 41-м году по радио тоже много чего сказали! А Гитлер прямо в Киев пришёл! Да и Москву чуть не... Но тогда я знал, что недолго фрицу днепровскую воду хлебать! Нахлебались так, что до сих пор помнят! А с этим врагом, как сражаться будешь?

«Метеор» вышел из затона на ходовую и, быстро набирая скорость, стал на крыло. Нос корабля приподнялся. Корпус вибрировал. С правой стороны, километрах в двух, показалась атомная станция. Несмотря на расстояние, черный завал у 4-го энергоблока был хорошо различим. Марево горячего воздуха огромным облаком дрожало над разрушенным реактором.

– Этить их мать, что натворили! – матюгнулся дед. – Такого врага «Катюшами» не возьмешь! Тут не сила нужна – смекалка!

В салоне теплохода повисло напряженное молчание. Невидимые гамма-лучи мощно обстреливали беззащитный корабль.

Сашка, почувствовав острый приступ тошноты, метнулся в туалет...

Саньку предстоит пережить трудное лето, тяжёлый лучевой дерматит и долгое лечение в Киеве и Крыму.

1 сентября он пойдет в киевскую школу другим человеком – 14-летним пацаном, пережившим ядерную катастрофу.

В школах, за такими ребятами, как Санька, закрепит-

ся обидное прозвище «чернобыльские ёжики», потому что только к осени у них едва начнут отрастать выпавшие волосы...

... Вечером 27 апреля 1986 года Стасик катил велосипед «Украина» по аллее имени Ленинского Комсомола. Уличное освещение в городе ещё не выключили. Совсем рядом, в гостинице «Полесье» царила суматоха – там продолжала работу Правительственная комиссия, а в соседнем ресторане первые ликвидаторы торопливо ужинали, наполняя желудки радиоактивной едой. Но в парке аттракционов было тихо и безлюдно. В тёмных окнах опустевшего ПТУ догорали последние лучики заходящего солнца. В жёлтых кабинах колеса обозрения устало всхлипывал ветер, словно жалуясь железному исполину на свою тяжёлую долю. Оцепеневшие в сумраке жилые высотки готовились встретить свою первую безлюдную ночь...

Стасик прислонил велосипед к билетной будке колеса обозрения. Оглянулся на ровесницу-девушку в белой вышиванке. Улыбнулся. И получил белозубую улыбку в ответ. Девчонка явно нравилась Стасику, а он явно нравился ей.

– Ты всё-таки скажешь, как тебя зовут? – застенчиво спросил юноша. – И что мы тут делаем?

– Нет! Сначала сделай, что обещал!

Девушка помотала роскошными длинными волосами, и синий венок из барвинков упал с её головы.

Стасик подхватил венок и попытался надеть его девчужке

на голову. Девушка мягко отстранила его руку, показала на крышу билетной будки:

– Делай, что обещал.

Парень ловко и легко вскарабкался на крышу, посмотрел вниз на девушку:

– Какая кабинка?

– Та, которая перед тобой! Просто перелезь на другую сторону и прыгай!

– серебряным колокольчиком зазвенел русалочий голос. – Ты сам всё увидишь и всё поймешь.

Стасик пожал плечами, залез в кабинку, присел на корточки, на секунду задумался и сиганул вниз.

На пустой площадке парка наступила тишина. Чёрный пинчер выскочил из кустов, и, с громким собачьим визгом заметался вокруг будки, обнюхивая стаськины следы.

– Живая Припять! – донёсся откуда-то восторженный голос Стасика. – Живая! Ты слышишь, Цезарь? Подожди, я скоро тебя заберу!

Пёс оглушительно залаял, поставил лапы на будку, в нетерпении царапая железо острыми когтями.

Кабинка колеса обозрения закрипела, закачалась, и кроссовки Стасика гулко ударились о крышу билетной будки.

Юноша легко спрыгнул на землю и присел на корточки. Собачий лай стоял невообразимый. Цезарь ловко взобрался на колени хозяина.

– А где девчонка? – удивлённо спросил Стасик у Цезаря, оглядываясь по сторонам.

– Гав! – радостно твякнул пёс и лизнул мальчишку в загоревшую щёку...

...Стасик открыл глаза. Пожилой черноволосый человек в белом халате облегчённо вздохнул и погладил мальчишку по колючей, коротко остриженной голове. Поправил капельницу.

– Ты что нас пугаешь, дружок? – негромко спросил Леонид Петрович Киндзельский. – Только с третьей попытки смогли сердце запустить. Рано тебе на тот свет! погоди ещё лет так восемьдесят! Чего глаза таращишь?

Стасик недоумённо крутил головой по сторонам. На соседних койках мирно сопели во сне Богдан и Ромка. Озорной солнечный зайчик прополз по простыне и замер на стаськином носу. Парнишка чихнул и зажмурился.

– А где же девчонка? – растерянно переспросил Стасик...